

ВНЕ
ЗАКОНА

ВЯЧЕСЛАВ
Денисов

Пути маньяка неисповедимы

ОРУЖИЕ
ФАНТОМА

ЭКСМО

Вячеслав Денисов
Оружие фантома

«ЭКСМО»

2002

Денисов В. Ю.

Оружие фантома / В. Ю. Денисов — «Эксмо», 2002

Это только кажется, будто маньяки похожи друг на друга: дескать, изувер – он и есть изувер, все они пьянеют от крови. Нет, у каждого свой «почерк», уж сыщики-то об этом знают. Неуловимого маньяка, орудующего в городе Слянске, отличает одна жуткая примета: он вырезает у жертв глаза. Но даже таким чудовищем руководит что-то помимо инстинктов. Почему именно глаза? Майор Макаров чувствует, что это неспроста. Главное ответить на этот вопрос – и тогда можно будет наконец-то прищучить изверга...

© Денисов В. Ю., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	37
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Вячеслав Денисов

Оружие фантома

Все персонажи романа вымышлены.

Совпадения с реальными лицами и событиями случайны.

...Я никогда не видел ни одного дикого существа, которое жалело бы себя. Даже маленькая птица, падающая с ветки, замерзшая насмерть, не испытывает жалости к себе...

Д. Лоуренс. Жалость к себе.

Ночь длинна.

Двое, он и она, в свои неполные пятнадцать, слившись в страстном, но еще неумелом поцелуе, молили о том, чтобы не наступал рассвет...

Руки девочки снова и снова вытаскивали его руки из-под своей майки и разжимались, пуская их туда вновь.

Мальчик задыхался от страсти. Он знал: что-то должно произойти. Что-то главное, то, что унесет его туда, где он еще не был...

Мальчик жаждал этого и страдал от невозможности желаемого.

– Они скоро приедут. Они всегда рано приезжают... Что ты скажешь своим?

– Я сказал, что поехал к бабушке за город...

– Они позвонят и узнают...

– Там нет телефона...

– Тебе пора уходить...

Он соскользнул с дивана и, запутавшись в простыне, сброшенной на пол в первые часы этой ночи, едва не упал.

Она улыбнулась непослушными губами и тихонько фыркнула.

Мальчик, уже стоя на коленях, дотянулся до нее, полусидевшей на диване, и нежно поцеловал в щеку.

Под лестницей, ведущей на второй этаж дома, сидел кто-то, бесшумно суча ногами по паркету и терзая свое тело у низа живота. Грязь с ботинок растиралась по полам плаща, но он не замечал этого. Человек не замечал ничего. Он всю ночь слушал звуки, раздававшиеся из открытой двери соседней комнаты, и истязал себя. Его перекошенное лицо уже утратило человеческий облик. По подбородку текла слюна, но он не замечал и ее...

Под лестницей сидел он, давясь яростью и страстью. Он думал лишь о минуте, когда на том скрипящем дачном диване он вонзится в ее здоровое, еще не остывшее от чужой любви тело...

Он будет рвать ее зубами, ногтями!..

Он будет слушать ее стон ужаса, и вот когда она в последний раз глянет в его глаза своими зрачками, он положит ей на горло руки и будет давить...

Давить, давить... Давить до тех пор, пока в ее голубых глазах не появится пелена.

И тогда произойдет то, ради чего он готов вечно сидеть под этой лестницей и слушать те звуки...

Они поцеловались в последний раз, и девочка, закрыв за ним дверь, прислонилась спиной к косяку и улыбнулась.

Человек вышел из-под лестницы, шагнул к девочке, криво улыбаясь уголками мокрого рта.

– С-с-у-к-к-к-а...

Девочка открыла глаза и окаменела, слившись с косяком.

– Иди ко мне, сука...

Сломавшийся ноготь вонзился в мякоть на пальце, но она не чувствовала боли. По косяку скользнула капля крови, и он увидел это. Шипя, он сделал к ней еще шаг.

– Иди ко мне...

– Мама! – тихо крикнула она. Ее крик утонул в глубине легких, растворился в ней самой.

Ночь длинна.

Часть I

Ночь длинна

Глава 1

– Опять ужасы? – спросил Вербин, разламывая булочку над пластиковым стаканчиком дымящегося кофе.

Он уже собирался поднести ее ко рту, но остановился на полпути.

– Ты к зеркалу подойди, – посоветовал сидящему напротив, откусил и уже с набитым ртом пробурчал: – На добермана похож. После вязки.

Машинально послушавшись совета, Макаров с трудом выбрался из-за стола и подошел к висевшему на стене зеркалу.

Вербин был прав. Вид ни к черту. Красная от лежания на столе щека, взъерошенные волосы и глаза, еще не отошедшие ото сна. Мутные, как само кабинетное зеркало.

– Опять она?

Не отвечая, Макаров вернулся за стол.

– Что по делу Вирта? – глухо спросил он, пытаясь прийти в себя и бессмысленно перекаладывая на столе бумаги. После перемещений листок с сообщением от агента оказался свернутым в трубочку в канцелярском наборе, а письмо матери переместилось в алфавитную книгу задержанных районных негодяев.

Внимательно проследив за всеми пертурбациями на столе Макарова, Вербин дал еще один дельный совет:

– Саша, ты уже маму на ходу теряешь. Сначала очнись, потом и о делах поговорим. Булочку будешь? У меня их три.

– Что по делу Вирта? – упрямо повторил Макаров, стряхивая с себя остатки кошмара.

Разочарованно отложив в сторону булочку и с жалостью глянув на остывающий кофе, Вербин полез обеими пятернями в карманы костюма – за сигаретами и блокнотом.

– Есть новости. Старушка напротив видела мужика в кожаной куртке, который в день убийства Андрея Вирта выходил из его квартиры.

– Что за фразеологизм – «старушка напротив»? Там что, еще было несколько старушек вокруг мужика в кожаной куртке? – Макаров взял кофе и с удовольствием приложился к стаканчику.

– Не ерничай, Саша, – с укором заметил Вербин. – Ты прекрасно понимаешь, о чем речь. «Старушка напротив» – значит соседка, чья дверь расположена напротив квартиры Вирта.

– А я и не ерничаю. – Спокойный Макаров был как всегда неумолимо логичен. – Я спрашиваю, потому что во время осмотра и опроса свидетелей я не заметил на двери напротив дверного «глазка».

– Я и не говорил, что соседка видела его в «глазок». Она спускалась по лестнице от своей знакомой, с которой она уже шестой год подряд переживает кошмар в «Санта-Барбаре». Услышав, что у Вирта открылась дверь, она приостановилась и глянула, перегнувшись через перила. Из квартиры бизнесмена вышел мужик, осторожно прикрыл за собой дверь и, стараясь не топтать, спустился. Кофе оставь...

28 мая 2001 года в квартире известного бизнесмена Вирта было совершено тяжкое не только по статьям Уголовного кодекса, а по общечеловеческим меркам преступление. Мать Андрея Вирта приехала к нему домой, чтобы поздравить с Днем пограничника. Хотя бывшему

стражу рубежей Родины за неделю до упомянутого события стукнуло сорок, мама обязательно поздравляла сына с праздником. В семье обычного ветерана погранвойск этот праздник ознаменовывается скромными поздравлениями. Те, кто побесшабашнее, надевают на польсевшие головы зеленые дембельские фуражки, натягивают дембельские кители и совершают броуновское движение по городу. От новогодних елок их отличает только то, что елки не умеют пить и драться с милиционерами. Но праздник погранвойск проходил в семье Вирта совсем иначе. Это был лишний повод собраться за столом с норвежской семгой, олениной и губами лося за рюмкой-другой «Хеннеси» и потолковать за жизнь.

А жизнь Андрея Вирта была ключом. После армии устроенный тестем на работу в таксопарк, Андрей колесил по городу, сшибал левый рубль и приторговывал дефицитной в ночное время водкой. Через год появились новенькая «ВАЗ»-«копейка», мебель и прочее. Деньги пошли шальные, как и вся его жизнь. Проституток Вирт подбирал на дорогах в качестве клиентов. Что такое для таксиста начала восьмидесятых червонец? Копейка. Ровно столько и стоило получить триппер. По этой же таксе лечение триппера стоило несколько копеек. Гораздо дороже обходилась ругань с женой. И если жена по своему малодушию эти дела как-то еще терпела, то нахождение в семье триппероносца не смог вытерпеть тесть – начальник таксопарка.

– Теперь на дорогах е...ть будут тебя, – прекрасно понимая реальность будущего, предсказал он зятю.

И последний остался без работы, квартиры и жены. Но с новенькой «копейкой». В другой таксопарк Вирта не взяли – работа тестя. Он принялся искать место, где его всегда окружали бы друзья, работа была бы «блатная» и о куске хлеба задумываться бы не приходилось.

Должность, включавшую все вышеперечисленные условия, он нашел уже через месяц – два года трудился в качестве хлеборежа в колонии общего режима на Урале. Загребел он на «общак» после квартирной кражи. Со звонком он вышел, но этот звонок оказался лишь звонком на перемену. Через полгода прозвенел второй, на следующий урок. Пять лет «строгача» в Красноярском крае за очередное «хищение личного имущества», после которых Вирт еще полгода ходил и обнюхивал себя, убеждаясь, что пихтовый запах кедровой деланки выветрился навсегда.

Наступили девяностые, а с ними – новые возможности. Теперь уже Вирт по-глупому не попадался. Сколотил бригаду, но не строительную. Виртовские отморозки шерстили рынки, кооперативы, кустарей, а бригадир со смехом вспоминал свою «копейку», притормаживая новенький «мерсачок» около ресторанов и бросая ключи мальчикам при стоянках. «Стрелки»-перестрелки, «разводы», «толковища», и вскоре сами собой нарисовались головокружительные перспективы. Среди братвы стали ходить разговоры о том, что город крупный, мол, беспредел в стране и среди братвы, и не пора ли, в натуре, собирать «воров» для коронования нашего? Базары базарами, и беспонтовые речи «бригадных» и слушать бы никто не стал, если бы такие же мысли не бродили в головах самих воров.

И был день...

Под Анапой, на территории чудной по красоте турбазы, среди трелей певчих птиц, вдруг зазвучала милая южным краям речь.

– Дело правильное, братва, – говорил представитель из Ставрополя, – беспредел повсюду. В зонах «воры» толковые страдают, режут их, как скот. Ссученных словно специально плодит воля. Молодняк отмороженный, лишь рожки прорежутся, сразу бодаться. Старших не уважают, против «закона» прут, свои порядки устанавливают. Администрация с «хозяйном» их под себя подбирает, и нас же прессуют ими. Грамотно. А все почему? Да потому, что на воле порядка нет. В стране бардак, рулить некому, отморозков развелось пруд пруди, и подобрать их некому. Вот город Сянск, к примеру. Сколько у тебя в городе, Вирт, «бригад» неприкаянных мотается?

– Около тридцати, – подумав, ответил Вирт.

– Во, бля! А сколько из них в «общак» вносит или просто братву на зонах «греет»?

– Половина.

– Понятно, да?! А, люди уважаемые, вам понятно? – обратился к сидящим вор из Ставрополя. – Половина! А остальные что? Деловые, что ли?

– А что ж ты у себя порядок не наведешь? – нахмурился Веня Поп из Орловской области.

– А как он его наведет?! Он кто сейчас? Власть ему не дана нами, а примени он ее, мы же у него за это и спросим.

Долго еще шли пересуды, и все уже близилось к тому, чтобы разрешиться положительно, но закончилось все буквально за пять минут и совсем не положительно. Во всяком случае, для Вирта, который месяцем раньше внес в «общак» сто двадцать тысяч долларов. От себя. Для всех – благой жест, а для Вирта – какая-никакая, а подмога в деле нынешнего собрания. А закончилось это так. Выслушав всех, встал доселе молчавший старый вор Степной.

– Слушаю я вас и удивляюсь. И поражаюсь тому, как меняются времена и во что превратился «закон». Раньше, если ты хоть день работал за зарплату али трудовень, али с бабой в сельсовете тебя власть зарегистрировала, и базара такого бы не стояло. Кто ж тебя, душевного, «коронует», ежели ты на власть горбатился и она тебе, вору, копейку за труд подавала, как нищему? Да мыслимое ли это дело было?! Да лилось ли крови столько тогда среди воров?! Упаси тебя господи к вору пальцем прикоснуться! Упаси господи, чтобы вор на «кичу» попал не за кражную статью! «Забакланился» хоть раз по «хулиганке» – пиши пропало. Сшибут «корону», как рога с коровы! Не запахло нам тогда одно было – когда немец, сука, к нам полез да матерей наших с отцами убивать стал, на фронт пойти. А чтоб в мирное время служить – пиши пропало. А сейчас вы что сотворить хотите? Уважаю «толковище» я и соглашусь со всем, что решено будет, но право голоса имею и этим правом воспользуюсь. – Степной повернулся к Вирту. – Ты чем до первой ходки занимался? Как хлеб добывал и с кем делился?

Зная авторитет Степного и других старых «воров», Вирт понял, что дело его худо.

– Молчишь? Знаю почему. Вину свою чуешь. Блядвозом ты, браток, работал да спиртным спекулировал. Государство тебе за твое пресмыкательство перед ним деньгу платило да премиями поощряло. Не так? Я-то, старый, перед «толковищем» справочки навел нужные, что за птица к нам летит. С администрацией твоей на работе побеседовали людишки...

«Старый хер!.. – помертвел от ненависти к тестю Вирт. – Убью, падла!»

Воры как-то сразу посуровели.

– А служил ты где, брат? – И, уже обращаясь к остальным присутствующим: – Да господь с ним, если уж времена такие поганые пошли, что и бывшие пионеры да комсомольцы ворами становятся, да и служивые тоже! Бог с ним! Но ты-то где служил?

– На границе, – ответил Вирт.

А когда догадался, о чем речь, остолбенел от ужаса.

– Ты же сам говорил, – как-то уже неубедительно встал на защиту Вирта ставропольский, – что страну защищать не запахло...

– Не запахло, когда враг душит и спасения нету. А он границу защищал. Да, защищал. Но погранвойска, братва, это войска КГБ! Вы что сотворить с воровским миром хотите?! Сталинских лагерей вы не знаете! НКВД, КГБ – одним миром они, братва, мазаны.

На том и порешили. Это был первый и последний раз, когда Вирт присутствовал на сходке воров. А через несколько лет он стал президентом довольно крупной компании по продаже горюче-смазочных материалов. Между тем он не забывал и про прежние дела, держа под неусыпным оком приличную группировку, занимающуюся вымогательствами у риэлтерских, строительных и транспортных фирм.

...28 мая 2001 года мама Андрея Викторовича Вирта, главы ОАО «Сибмас», пришла к нему в гости в квартиру 6 дома 10, расположенного на улице Береговой, и, зайдя в открытую входную дверь, а следом – в комнату, потеряла сознание.

Вирт лежал на полу в луже собственной крови. Все бы ничего – все убиенные лежат в луже собственной крови, и ничего удивительного в том нет. Кровь, она такая же жидкость, как и всякая другая, и обладает свойством вытекать вследствие нарушения оболочки сосуда. Но в данном случае оболочка была не нарушена, а просто разрушена. Такое с человеком мог сделать только уссурийский тигр. Но поскольку до уссурийской тайги было далековато, а тигры в Слянске не водятся, то следственно-оперативная группа была вынуждена признать, что с жертвой все-таки поработал человек. Лицо трупа и его тело были обезображены, и складывалось впечатление, что все увечья носили прижизненный характер.

Так закончил свой жизненный путь Андрей Викторович Вирт.

Была лишь одна деталь, которую при осмотре места происшествия не смогли заметить ни следователь – молоденькая девушка-лейтенант из прокуратуры, ни опера, ни эксперт. На эту деталь обратил внимание лишь начальник «убойного отдела» областного ГУВД Александр Макаров. И в то время, пока следователя рвало в ванной, а ребята из районного отдела, посвистывая, рассматривали на стенах шестикомнатной квартиры картины Шилова и иконы XVI века, Макаров подошел к столу, на котором стояли нетронутыми приготовленные к празднику яства, и наклонился. Скрываясь за выступающим краем тарелки, лежал маленький бесцветный камень. Саша катнул его пальцем в свою сторону и, подняв на уровень глаз, произнес:

– Перов, ты, кажется, хвастал, что у тебя дед – ювелир?

Он сунул камень в карман.

– Разберемся...

Больше ему здесь делать было нечего. Теперь интерес представляли лишь результаты поквартирного обхода и экспертизы...

– Не оставлю я тебе кофе, – ответил Макаров. – У тебя есть еще пакетик.

– Нету, – с честными глазами соврал Вербин. – Я один покупал.

– Не лги всуе. Ложь отталкивает от человека окружающих. Купил три большие булочки и к ним один пакетик кофе? Кстати, ты булочку обещал.

– Ну, слава богу! – обрадовался Вербин. – Теперь вижу, что проснулся! Жор его пробрал... Так вот, о мужике... Бабушка, а ее зовут Маргарита Николаевна, описывает человека среднего роста, сорока—пятидесяти лет, волосы с проседью, глаза, говорит, то ли серые, то ли зеленые, коричневая куртка прямого покроя, черные брюки – «джонсы», под курткой серый свитер. Все.

– Это все она рассмотрела, перегнувшись через перила? Сколько у нее было времени? Секунда?

– Я тоже на этом заострил внимание. Показалось, что старушка играет в полицейского Круза. Но она все объяснила. Оказывается, она тридцать два года работала вахтером в женском общежитии. Сечешь? Она любого кобеля, раз увидев, сто лет помнить будет. Хоть представляешь, что такое женское общежитие?

– Во сколько закончилась сегодня серия «Санта-Барбары»?

– Как и всегда, в семнадцать ноль-ноль.

– Труп обнаружила мать Вирта в восемнадцать часов. Или что-то около этого... – Макаров задумчиво посмотрел на старшего опера. – Судмедэксперты утверждают, что смерть Вирта наступила между семнадцатью и восемнадцатью часами.

– Все по времени сходится.

– Или почти все.

– Что ты имеешь в виду?

– Сколько нужно времени, чтобы изуечить труп да еще успеть покопаться в вещах жертвы?

На этот раз Вербин удивился по-настоящему. Макаров вынул из кармана куртки камень и положил на стол перед подчиненным.

– Что это?

– Отвечаю: камень. Предугадывая последующие вопросы, объясняю. Камень, по всей видимости, драгоценный. А раз так, то он обязательно должен быть алмазом, потому что я, хоть и не геолог, могу точно сказать, что в квартире криминального авторитета Вирта прозрачный камень мог называться только алмазом. Не думаю, что его могли заинтересовать другие камни, схожие по строению с алмазом, но не имеющие его свойств. Точнее – его цены. Вирт не геолог, Вирт – бандит.

Вербин изумленно посмотрел на начальника:

– Когда ты успел все рассмотреть?!

– Зато я не успел рассмотреть картины на стене, – многозначительно проговорил Макаров. – Кстати, по иконам и живописи выдали ориентировку в райотделы и в область?

– Выдали, – смутился Вербин. – Зато я не забираю вещдоки с места преступления.

– А это не вещдок, и в данном случае помочь этот алмаз может только нам, а не следователю.

– А как потом объяснять его отсутствие в деле? Когда убийца даст полный расклад?

– Вот когда, друг Вербин, ты задержишь и расколешь убийцу, жена Вирта вспомнит, что вместе с мусором после уборки, возможно, выбросила в помойное ведро и какой-то камень. Ей, собственно говоря, до этого будет? А во-вторых, как следователь объяснит присутствие в вещдоках этого камня? Почему она его изъяла в качестве вещественного доказательства? Потому что ей майор Макаров сказал, что камень лежал на столе? Тогда нужно изымать еще и столовое серебро со стола, потому как оно наверняка ворованное, и сервиз «Мадонна», да заодно поинтересоваться, откуда у Вирта контрабандная белужья икра. Девчонка и так без году неделя работает, не хватает, чтобы ее еще из-за дурака Макарова куда подальше списали.

– Как будто ты не знаешь, кто в прокуратуре главный...

– А ты отдавал камень на экспертизу? – поинтересовался Вербин и, глядя в лицо Макарова, сам и ответил. – Нет, я думаю... Тогда с чего ты взял, что камень – алмаз?

– Я сам провел экспертизу.

– Ты что, ювелир?..

Вместо ответа Макаров подошел к стенному шкафу, вынул из него молоток, положил камень на подоконник и с размаху опустил молоток на бриллиант. На молотке и подоконнике остались едва заметные вмятины. Камень лишь скатился на пол и глухо застучал по паркету.

– Вот и вся экспертиза... – кряхтя, поднял его с пола Александр. – Итак, что мы имеем на данный момент? Убийца, возможно, человек с психическими отклонениями. Ненавидел Вирта – два...

– Почему?

– Непонятно слышать этот вопрос именно от тебя, учитывая обстоятельства. Напомнить картину в квартире Вирта? Такие увечья наносятся не в качестве самозащиты и не ради заказного убийства.

– Я имею в виду, что они могли поссориться за столом и...

– ...второй разделал Вирта, как тушу на рынке? Из-за чего же так можно поссориться? А, Вербин? – Макаров посмотрел на часы. – Черт, к начальнику опаздываю!.. Боюсь, я переживу сейчас то же, что Вирт! Слушай и записывай!

Вербин завис над блокнотом, а Макаров, шагая по кабинету, рубил короткими негромкими фразами.

– Первое. Опросить жену Вирта на предмет опознания камня. Второе. Дать ориентировку по «нарисованному» соседкой мужику в коричневой куртке. Третье. Пошлешь Старикова по психиатрическим лечебницам. Пусть выяснит обо всех, кто выходил из них за послед-

ний месяц. Понимаешь, Серега, Вирта искать не нужно было, он был всегда на виду и замочить его можно было в любой момент! А замочили именно 28 мая! И замочили так, словно копили злобу сто пятьдесят лет! Понимаешь?! Значит, этот убийца не просто выжидал, его что-то держало... Или кто-то держал. Второе – вернее... Четвертое. Пошлешь Саморукова в УИН. Пусть сделает выборку всех недавно освободившихся из мест заключения, кто был связан с Виртом местами лишения свободы. Не перебивай! – остановил Макаров движение Вербина. – Знаю, что дурацкая задача. Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что... Но делать что-то нужно. И делать надо срочно. Потом будет поздно. Я чую это... Все. Я к начальнику, а ты – к экспертам. Просмотри все экспертизы до последней, понял? И еще, Сергей... Зайди к этой девчонке, к следователю... Не подвести бы ее нам с тобой.

Глава 2

Ночь длинна.

Мальчик вышел из дома, и его тут же окутала пелена утреннего, пахнущего георгинами тумана. Он знал этот запах. Его девочка высаживала георгины около дома каждое лето на аккуратной, обложенной белыми кирпичами клумбе.

Он подошел к ним и провел рукой по влажным цветам. Из клумбы георгинов, словно узник из цепей, с шумом выбилась птица и, громко хлопая крыльями, унеслась прочь. Мальчик почувствовал, как по его теплой после постели спине волной пробежала омерзительно холодная волна страха.

«Не бойся, ты же мужчина», – вспомнил он слова отца.

«Впереди темно», – подумалось ему.

«Не бойся», – сказал он сам себе и сделал шаг по почти черной на фоне всего серого тропинке.

Он шел домой.

Грязное, слюнявое, отвратительно пахнущее существо в плаще, перепачканном спермой, повалило девочку на пол прихожей.

От его дыхания ее стошнило, но он не давал ей повернуться на бок. Он разорвал на ней майку и, скуля, стал ронять ей на грудь капли слюны...

Она задыхалась, пытаясь повернуться, она выбивалась из сил, но он держал ее, бешеными, почти желтыми гепатитными глазами пожирая ее грудь...

Повизгивая от восторга, он пытался хоть что-то сделать свободной рукой со своим членом. Глядя в стекленеющие глаза девочки, он добился лишь очередной порции слизи в свою грязную ладонь с узловатыми пальцами. Он мог насладиться только этим, но превратить девочку в женщину он не мог. По той простой причине, что для этого нужен мужчина.

Стараясь не терять ни капли и без того секундного оргазма, он впился в обнаженную маленькую грудь своими зубами. И лишь почувствовав во рту вкус железа, он, продолжая рычать, скатился с нее и задыхался, как подыхающая лошадь – редко и шумно.

Мальчик уже подходил к дому, а в прихожей дома девочки грязный человек в плаще достал из кармана складной нож...

*** * ***

Мальчик подошел к дому, с тревогой взглядываясь в очертания крыльца. Если на ступеньках лежат свежие газеты, значит, родители еще не приехали.

«Никогда ничего не бойся, – говорил ему отец, – ведь ты же мужчина».

Все началось два года назад, когда после ежедневных избиений одноклассниками мальчик однажды пришел домой, размазывая сопли по лицу. Оказывается, как выяснил отец, его даже не били. На него просто пошел с кулаками наперевес заводила всех драк и гроза школы – пацан, по два года отучившийся в четвертом и пятом классах. И мальчик испугался. Он сильно испугался...

И это видели все в классе.

Отец забрал мальчика из школы и перевел в другую, частную. Родители переехали в коттедж, и школа была в двух шагах от дома.

«Не бойся и никогда ничего не проси», – учил его отец.

Они с отцом в течение недели приводили в порядок пыльный, захламленный подвал дома. Чистили, мыли, скоблили с утра до вечера. Трудились до тех пор, пока отец однажды вечером, бросив в угол мокрую тряпку, не сказал:

– А вот теперь можно и делом заняться.

Что такое дело, мальчик не знал, поэтому молча выполнял все, что требовал отец, – таскал в подвал выструганные тут же, во дворе, доски, песок и инструменты. Отец в работе заводил сам себя и этим непонятным пока сыну энтузиазмом заражал мальчика. Однажды мальчик не выдержал и спросил, надеясь, скорее, на обидный ответ, нежели на обстоятельный. Старший в семье мужчина посмотрел на него как-то устало (сказывался возраст – мальчик был поздним ребенком, а в пятьдесят трудно жить жизнью тринадцатилетнего) и ответил, словно отчитываясь перед госприемкой за созданное творение:

– Это ринг. Здесь мы исключим канаты. Никаких канатов. Их не бывает в жизни, а бывает наоборот – не на что опереться спиной. Здесь, в наиболее освещенном углу, будет размещен мешок. Это место хорошо еще и тем, что мешок будет висеть у несущей стены. Со временем песок в мешок будет добавляться, а это не очень благоприятно может сказаться на конструкции дома. Ну и, наконец, «железо». Ты доволен?

Мальчик промолчал.

– Ты боишься?

Мальчик не отвечал.

– Запомни на всю свою жизнь, сынок: никогда никого и ничего не бойся и никогда ничего ни у кого не проси. Особенно милости.

И положил подростку на плечо свою тяжелую руку...

Газет на крыльце не было.

Это значит, что родители уже приехали домой. Это значит, что его ждали большие неприятности. Отец никогда не ругался и не кричал. Он просто очень переживал. Мальчик был у него первой и последней надеждой. Пять лет назад они с женой решили завести второго ребенка. Врачи не отговаривали отца, но и не проявляли уверенности в благополучном исходе дела. А все дело в этой проклятой подлодке...

Служба отца на флоте закончилась после пожара на подводной лодке в море Лаптевых. Они все выжили, но из всех членов экипажа, решивших после этого завести детей, все благополучно завершилось лишь у отца мальчика. Дети остальных либо рождались мертвыми, либо умирали спустя некоторое время. Это все проклятая подлодка!..

Мать была моложе отца на двадцать лет, поэтому решение вопроса о рождении брата зависело только от отца, и он решился. Брату было отмерено жизни двадцать секунд. В родильную комнату был срочно приглашен отец, и врач поставил перед ним дилемму, которая напополам разрешила его сердце. В течение ближайших трех-четырех минут либо должен умереть ребенок, либо при дальнейших родах может умереть его жена. А имел ли право он, врач, ставить человека перед таким выбором?.. Не должен ли был он сам, пожилой и очень умный врач, просто спасти женщину и не заставлять отца своим словом казнить ребенка? Но он сделал то, что сделал.

Отец мальчика сказал просто:

– Спасите ее. Пожалуйста...

Он был военным моряком. И не знал, как просить. Даже сейчас...

И мальчик остался с отцом и матерью. Этот тринадцатилетний мальчик.

Мальчик рассмеялся.

Он вдруг вспомнил: время сейчас слишком раннее, любой почтальон предпочтет повернуться на бок в своей постели, нежели встать в четыре часа утра. Откуда на крыльце могли

взяться газеты? И как могут сейчас быть дома родители, если ближайшая электричка из города прибывает в шесть часов семнадцать минут?

Они не узнают, что мальчика не было дома всю ночь!

Он в книжке читал, что от любви теряют голову. Может, это любовь? Ведь они с девочкой настолько потеряли голову, что не смогли даже сообразить элементарного.

Мальчик рывком сдернул со своего крепкого, загорелого тела футболку и стал делать разминку перед домом. Спать он все равно уже не сможет. От мысли о том, что он сейчас сможет уснуть, он снова рассмеялся.

Еще минута, и он нырнул в подвал, откинув в сторону крышку тяжелого люка.

Боксерский мешок, не привыкший к тому, чтобы его дубасили в начале пятого утра, возмущенно закричал вбитой в потолок петлей. Это был уже не тот мальчик, что спустился сюда два года назад. Это был сильный, уверенный в себе и чуть нагловатый «по-подростковому» юноша. Разорванный мешок латался за это время три раза. А полгода назад срослись кости на носу того дегенерата, из-за которого мальчик от страха описался в штаны. Тогда это все видели. Мальчик нашел его в той старой школе. И это тоже все видели. А кто не видел, тому рассказали...

Ну, вот и все. Последний удар...

Мальчик вышел на улицу и с удивлением отметил, что за то время, пока он боксировал, на улице стало совсем светло. Он стоял на площадке перед домом и сматывал с рук эластичные бинты. В шесть часов в деревне напротив, через речку, включают громкоговоритель, и первые звуки гимна страны возвещают о том, что наступил новый день. Но радио молчало, значит, нет и шести.

Внезапно он услышал торопливые, неровные шаги. По тропинке кто-то двигался. Мальчик стал сматывать бинты медленнее, вглядываясь в заросли, прикрывающие дорожку.

По тропинке шел человек в сером плаще. Его раньше мальчик никогда не видел в городке, очевидно, это был чей-то гость, стремящийся уехать на той же электричке, на которой приезжают его родители. На шесть семнадцать.

Мальчик, зажав бинты в кулаке, сделал шаг к калитке и зацепил ногой металлическую лейку. Она, звякнув, упала на бок...

...человек резко обернулся...

...и облила ногу мальчика охладевшей за ночь водой.

Была всего секунда, но ее хватило мальчику, чтобы понять одну простую вещь. Он смотрел в глаза человеку, а тот бежал глазами по лицу мальчика.

Отец говорил на ринге, что уверенный в себе, спокойный человек всегда смотрит в глаза. А человек-трус и зверь отведет взгляд и даже при общении будет бегать глазами. Мальчик это знал и без отца. Два года назад он редко кому смотрел в глаза при разговоре. Он боялся рассердить такой наглостью более сильного духом или физически сверстника.

И сейчас мальчик знал: человек в мятом плаще боялся.

В деревне, что через речку, хрипло затрещав, заработал громкоговоритель. По радио звучал гимн страны...

*** * ***

Макарова разбудил гимн.

Он что, забыл вчера выключить настенное радио?

Александр чертыхнулся. Уже целый год дает себе клятву обрезать эту проклятую, никому не нужную дурацкую радиоточку! Слушать по радио, собираясь на работу, сколько надоили

молока в том и в том районах и сколько хлеба собрано, было истинным самоистязанием. По местной радиоточке с шести утра передают итоги урожая, посева и рейтинг свиначков и скотоводов. Интересно, те, кто проводил сюда эту радиоточку, вправду были уверены в том, что жителям центра города, а в особенности Александру Макарову, начальнику отдела по раскрытию убийств областного ГУВД, будут интересны факты увеличения производства порослят от одной свиноматки?! Такие бездари и жующие чужой хлеб типы, как Макаров, знают, что килограмм свинины в городе стоит семьдесят рублей, а батон хлеба – шесть пятьдесят.

Покопались бы эти макаровы в земле, узнали, сколько на самом деле стоит батон хлеба.

Но Макаров не хотел копать в земле. Он копался «на земле». Копался в человеческих пороках, подлости, грязи. Той грязи, которая остается после отвратительных дел рук человеческих.

Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить жену и дочь, он выскользнул из-под одеяла и босиком прошел на кухню. Убрав звук, он вернулся в спальню и осторожно сел на кровать.

Потирая рукой шею, он думал о том, что если бы не это радио, ему бы удалось соснуть еще часок. Теперь же ни за что не заснуть. Вздохнув, он нашел в полумраке тапки, накинул на плечи халат и отправился в ванную.

День начался.

Свежевыбритый и окончательно проснувшийся после душа, он успел зайти на кухню как раз вовремя – начинала хрипеть кофеварка. Многие предметы в доме напоминали Макарову о его службе в милиции. Вот эта кофеварка – ценный подарок от руководства областного ГУВД за задержание группы гастролеров, промышлявших в городе убийствами. Электробритва – за раскрытие убийства бизнесмена. Его, Макарова, хотя бы спросили, чем он бреется. А Макаров всю жизнь брился станками. И вообще, когда ее вручали, Сашу даже покорило. Неужели у него такой свинский вид, что ему дарят электробритву? Ну, кофеварка – понятно. Хоть и вторая. Первую подарили по итогам полугодия непосредственно перед вручением второй. Посмотрели с Танькой на две кофеварки, рядом стоящие, да и оставили себе ту, что получше. А первую Таниной матери подарили на день рождения. Жена ему еще сказала: «Если опять чего-нибудь раскроешь и кофеварку вручат, давай ее племяннице подарим, она все купить мечтает». Макаров сказал, чтобы она со своим «если» больше не лезла. Шутя, конечно, сказал. Но в приметы верил. И больше всего ненавидел «если». А особенно – «если раскроешь». Никогда не зарекался, никогда ничего не обещал, ничего не просил и никому, кроме жены, не верил. Обмануть его было практически невозможно, а если и удавалось, то ненадолго.

Макаров не обещал, Макаров делал. Зная его сдержанность, к нему никто никогда не обращался с просьбами. Достаточно было при нем заговорить о своих проблемах. Если проблема не выходила за рамки принципов Саши и ее решение было ему по силам, он был готов отдать последнюю рубашку. Обладая просто феноменальной памятью, он мог запросто забыть о своем дне рождения. О чужих датах он не забывал. Особенно если это даты из биографии людей, с которыми ему пришлось столкнуться по долгу службы.

Приготовив бутерброды жене и Маше, он уже на ходу допил из чашки остатки кофе, поперхнувшись гущей, и стал обуваться.

– Во сколько ждать, Саш?

От неожиданности Макаров резко поднял голову.

– Напугала... Я думал, ты спишь.

– Проснулась. Тут проснешься... «Сергея! Этим двоим к нам, возьмешь у следака разрешение в СИЗО на третьего!»

Александр покраснел. Минуту назад он разговаривал по телефону с Вербиным и был уверен, что его никто не слышит.

– Да тихо, тихо ты говорил! – Таня улыбнулась. – Я просто уже не спала.

Приобняв мужа, она прикоснулась губами к его щеке.

– Удачи тебе, сыщик...

Вербин вывел свою «шестерку» из гаража и, махнув рукой соседу, чтобы тот закрыл их общий гараж, стал медленно пробираться между домами. Рядом была школа. «Убойный» опер был из тех дорожных раздолбаев, которые обязательно наедут на один из концов металлического прута, если он будет валяться на проезжей части. День к вечеру, а еще не сбито ни одной собаки. Значит, это не день Вербина. Когда Макаров с Вербиным ездили вместе и Вербин был за водителя, то даже спокойный Александр не выдерживал.

– Да выключи ты на хер эти гребаные щетки!!! Какого хера они у тебя болтаются?!

– Случайно включил.

– И что, не видишь этого?! Они уже с минуту машут!!!

Но дети – это другое. Как-то по молодости, еще будучи простым опером на «земле» районного РОВД, Сергей так же выезжал из гаража и чуть не наехал на ребенка. Точнее – не он наехал, а ребенок, выбежав из кустов, бросился на капот его машины. Шестилетний малыш отделался парой синяков и легким испугом, а Вербин после этого не мог сесть в машину даже для того, чтобы загнать ее обратно в гараж. Это сделал все тот же сосед. И потом месяц Сергей не подходил к гаражу. Макарову надоело постоянно ездить за рулем, он дал Вербину телефон одного (точнее – одной) психолога, и уже вскоре старший опер гонял по городу, как Шумахер на Гран-при Великобритании. Но все равно во дворах и при знаке «дети», нужно это или не нужно, Вербин ехал медленнее, чем гуляют влюбленные пары.

С Макаровым судьба познакомила их весьма своеобразно. Они были представлены друг другу для прохождения дальнейшей службы в качестве начальника и подчиненного в не совсем подходящем для этого месте. В туалете ночного кафе «Сингапур». К этому моменту Макаров был назначен на должность начальника отдела и на следующий день должен был прибыть в областное ГУВД для представления. А Вербин, будучи старшим опером этого же отдела, в ожидании вновь назначенного начальника временно исполнял его обязанности. До того исторического момента они никогда в жизни не видели друг друга. Сергей зашел вечером в кафе от нечего делать. Сидел и пил сок, посматривая по телевизору под невысоким потолком матч «Сельта» – «Валенсия». Никого не трогал. До той поры, пока к нему не подошел знакомый бармен и не сказал, что с него «трясет» бабки с применением пистолета, похожего на «бластер», какой-то мент. Мент сейчас ждет его, бармена, в туалете с сотней рублей. Вербин допил сок и пошел разбираться. Спустившись в подвал, где был туалет, он увидел молодого человека лет двадцати в форме капитана милиции. Мгновенно поняв, что перед ним такой же «мент», какой он, Вербин, профессор математики, и помня про «бластер», Сергей выдернул из кобуры «ПМ».

Можно было, конечно, представиться, как положено, попросить прояснить ситуацию насчет «сотни», но на Вербина что-то нашло. То ли вспомнил, что сам он капитана получил в тридцать, то ли оружие в чужих руках играло для него роль красной тряпки, но Сергей заорал:

– На пол, сука! Быстро, б...! Руки за голову!

И старший опер вытащил из-за пояса лежащего разбойника в маскарадном костюме газовый «майами».

Теперь, чтобы было понятно, откуда над головой Вербина раздался гром в виде крика «Бросай оружие! на пол! милиция!», поведем сюжет параллельно.

Вечером Макаров и Таня, уложив Машку, решили погулять по городу. Они ходили, не выбирая маршрута, пока не дошли до кафе с экзотическим названием «Сингапур».

– Зайдем? – спросила Таня.

– Мне вообще-то рано вставать... – вяло возразил муж.

– Зайдем на минутку! – взмолилась Таня. – Выпьем по бокалу пива. Я знаю это кафе. Мы здесь выпуск из института отмечали группой.

Саша согласился.

Махнув бармену, чтобы тот подошел к столику, Макаров спросил у жены, где здесь туалет. Выяснив, пошел.

Картина, которая предстала его взору в уборной, никак не отвечала требованиям добропорядочного заведения. На полу в луже мочи валялся капитан милиции, а над ним завис какой-то небритый тип в штатском. В одной руке тип держал пистолет, а в другой оружие, похожее на ручной миномет.

– Милиция! Бросай оружие! – ответило Александру туалетное эхо голосом Вербина, и Макаров увидел направленный теперь уже на него ствол.

Оба милиционера нырнули за выступы в стене.

Еще большую пикантность ситуации придал вопль лежащего «капитана»:

– Братва, не стреляйте друг в друга!

После этого вообще стало непонятно, кто есть кто.

– Ты из какого РУВД? – спросил из-за простенка Вербин, держа наготове оба пистолета.

– Я не из РУВД, – ответил из-за другого простенка Макаров. – *Я начальник отдела по раскрытию убийств областного ГУВД.*

– Вот хитрый пряник, а?! – возмутился Сергей. – Это я начальник этого отдела! Ты кого наколоть хочешь, рожа?! Считаю до трех, и ты выходишь с поднятыми руками!

«Капитана» на полу охватил ужас. До сих пор он не видел ни одного удостоверения, а последние фразы говорили о том, что он лежит между двумя вооруженными сумасшедшими и до перестрелки осталось ровно три секунды.

– Пацаны... – взмолился он. – Можно я уползу?

– Я тебе уползу! – рявкнул небритый. – Эй! Ты, там! Выходить будешь или как?

И тут Макарова осенило.

– Как фамилия начальника ГУВД?

– Ну, Смыслов, – раздалось из-за стены.

– А как фамилия бывшего начальника отдела по раскрытию убийств?

– Ну, Петровский...

– Хер загну! – разозлился Макаров и вышел из укрытия. – Выходи. Я Макаров, новый начальник отдела...

Покидали кафе они уже втроем. Таня хохотала как ненормальная, а Макаров с Вербиным, выпив по стакану водки после знакомства, уже говорили о чем-то о своем.

И вот сейчас Сергей Вербин ехал к вдове Андрея Вирта. В его кармане лежал алмаз. Откуда этот камень в квартире Вирта? Как он был связан с жизнью покойного и как мог быть связан с его смертью? На эти вопросы теперь предстояло ответить вдове.

Вербина разбудил сегодня Макаров. У Саши помимо курения была еще вредная черта характера, которая многим не давала спать. Если ему приходила в голову дельная мысль, то ее проверка редко терпела до начала рабочего дня. Версия проверялась мгновенно.

Вербин свернул на улицу Береговую и уверенно повел машину к дому вдовы Вирта. По привычке оставив «шестерку» у соседнего с нужным адресом дома, он бодрым шагом подошел к подъезду и у самой двери замедлил шаг. На лавочке сидели самые желанные источники информации для любого опера – приподъездные бабушки. Если их разговорить, можно стать обладателем бесценной информации.

Вербин, покручивая ключи на пальце, быстро осмотрел бабушек, убедился в том, что никто из них не видел его сутки назад на осмотре, присел на лавку напротив и закурил. Сейчас было глупо задавать старушкам вопросы, так как с момента обнаружения трупа Вирта только об этом разговоры и были. Оставалось лишь слушать. На всякий случай он посмотрел на часы

и успокоился – в его распоряжении было еще около полутора часов. А бабки, естественно, все до единой были главными свидетелями убийства. Единственный, кого они не видели, так это убийцу. Впрочем, у каждой на сей счет была своя версия.

– Надеждины дружки и пришили муженька, – говорила одна. – Мыслимое ли дело – по девкам мотаться.

– Да и она еще та шалава, – возразила другая. – Андрей как уедет по командировкам, так она и давай мужиков в дом таскать. Ни стыда у бабы, ни совести.

– Знаем мы его командировки. За три дня до... прости господи... из командировки приехал, ага! В этом, как его, макроавтобусе, с мужиками такими же беспутными, с десятком баб приволок. Я-то видела из окна!

– А может, это Надька его жизни лишила?

«Вот это уже версия», – подумалось Сергею. Только «Надька» вряд ли смогла бы справиться со своим стокилограммовым мужем.

– Нет, – возразила молчавшая до сих пор старушка. Она сидела, положив руки на костыль, и задумчиво глядела куда-то вдаль. – Надежда здесь ни при чем. И дружки ее тоже. Это за Аллу ему смерть пришла.

Вербин насторожился.

– Что за Алла? – довольно бесцеремонно, как и положено среди старушечьего «домового комитета», громко спросила одна из бабок. – И чего ж ты, Петровна, милиции ничего не сказала?

– Некогда мне, – вдруг заявила старушка с костылем и медленно поднялась. – Недосуг. Зять с дочкой должны скоро приехать. Пойду приберусь...

«Зять с дочкой», – отметил про себя Вербин. – Не «дочка с зятем», что было бы логичнее для матери, а именно – «зять с дочкой». Уважает мужиков, значит, старая. Но, судя по виду, – настоящих мужиков. Уж больно строга... Вербин – вперед!»

Пропустив Петровну, он шагнул в подъезд за ней.

– Вам помочь? – скорее из желания на самом деле помочь, нежели из-за повода завязать разговор, предложил Сергей.

– Помоги, коли добрый человек...

– Я добрый, – подтвердил Вербин, помогая старушке преодолевать ступени. – Я... адвокат. Да, адвокат.

Опираясь на его руку, старушка прошла еще один пролет и тихо произнесла:

– Адвокат... Да от тебя дежурной частью за версту несет...

– Как это – «несет»?.. – изумился Вербин и даже потянул носом.

– Вот-вот! – подтвердила бабушка. – Даже нюхаешь, как легавая. Мент ты.

Вербин остановился, старушка тоже.

– Ну, мент, – согласился Сергей. – Это что, плохо? Хуже, чем бандит?

– А сейчас не поймешь – кто мент, кто бандит. Ты давай веди меня, коли вызвался! Что встал, как вкопанный? И не тяни носом, как пылесос... Одеколоном от тебя пахнет, одеколоном. По Вирту пришел? Пошли ко мне, поговорим...

– К вам же зять с дочкой должны приехать? – спросил Сергей, чуя, как впереди, на правильно выбранной им дороге, начинает мелькать огонек.

Открывая дверь и забирая у Вербина костыль, старушка проворчала:

– Месяц уже, окаянные, не едут. И один бог знает, когда приедут...

Квартирка, несмотря на скромность обстановки, была чистой и ухоженной. В углу – неременная лампада с рушником и пара икон. «Одна старая, вторая – из нынешних, церковных, по сто рублей, – мгновенно определил Сергей. – «Троеручица» середины XIX века и «Владимирская Пресвятая Богородица» чеканки местной церкви, не иначе».

– Ты кто будешь, мил человек? – спросила старушка, внося в комнату из кухни чайный набор.

– В отделе по раскрытию убийств работаю, мать, – признался Сергей.

– Вот так-то лучше. А то – адвокат... Ну, а меня Клавдией Петровной зови. Солдатенкова я. По мужу – Киреева. А позвала я тебя на улице вот зачем...

– Как это – позвали? – не понял Вербин. – Вы мне слова не сказали!

– Я вас, ментов, за километр чувствую. Знала, что за мной попрусь. Поэтому и сказала про Аллу. А нет никакой Аллы... Не в том дело.

– Что-то больно обидные слова вы говорите, мамаша! – оскорбился Вербин. – «Мент», «мент»... Я – сотрудник милиции.

– Нет, ты – мент, – упрямо возразила Клавдия Петровна, наливая в чашки дымящийся чай. – Причем – поганый. Как и все вы. Моего мужа да сына по тюрьмам и лагерям замотали до гробовой доски.

«Ах, вон оно что... – подумал Вербин. – Сейчас старая опойт зельем да шарахнет дореволюционным утюгом по башке. И будет тебе итог оперативно-розыскной деятельности. И напишут в некрологе: геройски погиб при выполнении служебного долга. Тьфу!..»

– Ну, я-то, предположим, здесь ни при чем!

– Все вы «при чем»... Из одного помета.

– Мать, я очень занятой человек, – устал от разговора Вербин. – Если вы хотели со мной поговорить, то говорите...

Глава 3

Опер «убойного» отдела Игорь Стариков возвращался из Центральной психиатрической лечебницы в подавленном состоянии духа. Когда Вербин передал ему распоряжение Макарова – отработать все психлечебницы в городе на предмет выявления связи: Вирт – убийца – псих, Игорь понял сразу, что по сложившимся в отделе традициям «лучшее» опять досталось ему.

Решив зря не бить лапы, он поехал туда, где формируется информация о всех поступивших, содержащихся и отпущенных психбольных, – в ЦПЛ. Представившись там и объяснив цель визита, он был препровожден во временно пустующий кабинет психолога. Поиск необходимой информации у главврача должен был занять добрых полчаса, и Стариков, взяв со стола учебник по психиатрии, приготовился терпеливо ждать.

Где-то на восьмой странице в дверь постучали. Стариков, в белом халате на плечах (иначе не пропускали через приемный покой), сказал: «Да, да».

В кабинет вошел мужик лет сорока в пижаме и, ни слова не говоря, сел на стул по другую сторону стола. Стариков молча смотрел на него, не выпуская из рук учебника. Поняв, что перед ним стационарный пациент, он на всякий случай скользнул взглядом по столешнице на предмет обнаружения шила, ножниц или совдеповского килограммового дырокола. Он успокоился, убедившись, что единственное оружие, которым ему могли нанести увечье, были две скрепки в канцелярском наборе. Больше в наборе ничего не было.

Бросив на Старикова виноватый взгляд, мужик в пижаме плаксиво проскрипел:

– Она меня не любит...

– Кто? – опешил опер.

– Я понимаю, доктор, что отрываю вас от дел, – быстро заговорил мужик, посмотрев на учебник в руках Старикова, – но от этого зависит моя судьба! Вы должны помочь мне повлиять на нее. Она загубит свою и без того разбитую жизнь.

Стариков молчал.

– Вы можете мне?

– Понимаете, в чем дело... – начал Игорь. – Я не тот, за кого вы меня...

– Ерунда! – решительно отрезал мужик. – Вы скромны, как и всякий специалист своего дела. Нам с вами приходится скрывать свое истинное лицо среди всей этой бездарности. Меня заставляют пить таблетки! А вы знаете, что я с ними делаю? Когда сестра уходит, я вытаскиваю их изо рта и отдаю соседу по палате! Он ест все! Я вам говорю это, потому что вы не похожи ни на одного из этих врачей. Так вы можете мне?

– В чем?..

– Убедить Марианну.

– Какую Марианну?

– Из соседнего блока. Мы решили обвенчаться, но в последний момент она заявила, что желает венчаться только в церкви.

– Ну, – несмело возразил Стариков, – в общем-то, только там и венчаются...

– Бред. Нас сможет обвенчать здесь батюшка. Вы благословите нас?

– Во имя отца и сына.

– Спасибо! – горячо заговорил пациент и, внезапно подмигнув Старикову, бросил взгляд через плечо. – Вам воздастся! Ищущий да обрящет...

И вышел из кабинета.

Игоря словно прибило к стулу внезапно просветлевшим взглядом мужика и его последними словами. Попытку понять, что произошло, пресек главврач, занеся в кабинет несколько пухлых папок. Кладя их на стол перед Стариковым, он мимоходом бросил:

– Что здесь делал Русенков?

Секунду помедлив, Игорь объяснил:

- Странный тип. Зашел в кабинет и стал разговаривать со мной, как с врачом.
- Просил обвенчать? – улыбнулся доктор, доставая сигареты из кармана халата.
- Точно. А вы откуда знаете?

– Он здесь три месяца. Его жена погибла у него на глазах под поездом. Страшная вещь... Тут же нервный срыв и – к нам. Иногда бывают периоды просветления, но это ненадолго. – Доктор выпустил струю дыма. – Жена его все просила обвенчаться в церкви, да так и не допросилась... Вот то, что вы искали. Здесь три дела бывших пациентов. Отпущены под присмотр родственников – соответственно второго, семнадцатого и девятнадцатого мая. Вас, как я понимаю, интересует вероятный убийца?

Осторожный Стариков промолчал, и врач расценил это как допустимую форму общения.

– Если это так, то одного из троих придется исключить. Ему семьдесят лет, и его увезли дочь с мужем на кресле-каталке. Крученков и Марин, впрочем, тихие больные с вялотекущей шизофренией. Им лень муху от лица прогнать. Это то, что я могу сказать без малопонятной вам медицинской терминологии. Мое мнение как врача – ваши поиски в этом направлении будут безрезультатны. Чем могу еще помочь?

Больше помочь было нечем. Отскерокопировав на всякий случай все три карточки пациентов с их установочными данными, Стариков вернул дела главврачу, попрощался и, попросив не провожать, вышел из кабинета. Не пройдя и десятка шагов, он вернулся.

Врач удивленно вскинул брови:

– Что-нибудь забыли?

– Я хотел спросить. Скажите, доктор, где работал Русенков, перед тем как случилось... В общем, перед тем как попасть к вам?

Главврач, раздавливая в пепельнице сигарету, прищурился и усмехнулся.

– Не все в милиции пьют водку, оказывается... Это бывший ваш коллега, Игорь Алексеевич. Русенков работал в уголовном розыске Мурманска.

– Почему вы сразу не сказали?

– А вы спрашивали? Могу вас заверить, общих тем вам уже не найти.

Выходя из ворот лечебницы, Стариков почувствовал на спине чей-то взгляд. Резко обернувшись, он успел рассмотреть за упавшей занавеской лицо больного по фамилии Русенков...

– Сергей, что у тебя? – спросил Макаров, дождавшись, пока будут прикурены все сигареты и раскрыты все блокноты присутствующих.

Вербин поерзал на стуле, обдумывая, с чего начать. Прикуривал дольше всех и старательнее всех.

– Интересная складывается ситуация.

– Это я понял, увидев Вирта, – мягко перебил Александр. – Жена опознала камень?

– Жена – нет.

– Ты не тяни кота за хвост, – вклинился Миша Саморуков – самый молодой и самый энергичный опер в отделе Макарова. – Давай быстрее, есть хочется. Обед через полчаса...

Доклад Вербина продолжался полчаса...

«Мать, я очень занятой человек, – сказал я. – Если вы хотели со мной поговорить, то говорите. А если вы решили по поводу отсидки вашей родни выразить свое «фе» всей милиции в моем лице, то я пошел». Старая посмотрела на меня, как на гадуку, и говорит: «Уж больно скор ты. Как понос».

В кабинете все подавили улыбку.

– Ну, ну, – поощрил Вербина Макаров.

– «Сиди, – говорит, – пей чай и умней. Мой муженек всю жизнь хаты «обносил», а вы его на пятом десятке жизни только и слотошили». Тут я маленько погорячился и не в тему пошутил: «Видно, неплохо слотошили, мать, если тебе уже скоро семьдесят, а муж еще не вернулся». «Дурак! – это она мне. – Дурак! Он умер в своей постели три года назад». В общем, слово за слово – разговор завязался. И услышал я одну очень интересную историю, произошедшую как раз в день убийства нашего незабвенного Андрея Викторовича Вирта. Только случилось это не между семнадцатью и восемнадцатью часами, как утверждают эксперты, а часом раньше...

– Сергей, – перебил Вербина Макаров, глянув на часы, – что я в тебе ценю, так это умение выделять главное из подробностей...

– Тут главное понять! – воскликнул Вербин. – Понять все с самого начала!

– Есть хочется, – напомнил Саморуков.

– Так вот...

...Клавдия Петровна вытерла пыль с комода, с фотографий мужа и, вздохнув, отнесла тряпку в ванную. Там она долго держала ее под струей теплой воды. Сейчас она отожмет ее и положит в комнате на батарею, чтобы завтра повторить эту немудреную операцию – протирание пыли в квартире. Годы берут свое, уносят молодость, прежние интересы, но остаются привычки. Все, что осталось у старой женщины, – это следовать им и каждый день ждать в гости дочку с зятем. Когда-то она была такой же, как они, – забывала об обещаниях и жила одним днем. Что для дочки поездка к матери из соседнего района города? Потеря времени, дочерний нудный долг, не больше. А что этот приезд для нее, Клавдии Петровны? Ни с чем не сравнимая радость увидеть родного человека. Но, похоже, и сегодня она останется одна, наедине со своими воспоминаниями и мыслями о дочери.

Клавдия Петровна бросила взгляд на настенные часы. Странно, но, когда был жив муж, они ломались чуть ли не каждый месяц, и тогда он садился за стол и долго их чинил. Это было неотъемлемой частью их медленной, спокойной жизни. Но лишь костлявая забрала мужа к себе, часы словно ожили. Они тикали, и ничто не нарушало их хода, словно металлический механизм понимал, что ремонтировать его больше некому. Часы да она – вот все, что осталось от семьи, которая распалась в далеком пятьдесят четвертом году, когда они с мужем, тогда еще молодым и крепким, уехали на Север, оставив новорожденного сына в приюте. Время тогда было холодное да голодное.

Сейчас часы показывали без четверти четыре. Клавдия Петровна глянула в окно. Соседки уже около двух часов сидят на лавочке и не собираются расходиться. Вздохнув еще раз, старушка взяла с кухонного стола ключи и направилась к выходу. Может, зять с дочкой приедут и она встретит их на улице?

Заперев дверь на один замок – кому нужно старушечье барахло, – Клавдия Петровна стала спускаться вниз. Это всегда доставляло кучу хлопот. Лифт капризничал, как пьяный слесарь: хочу – работаю, не хочу – не работаю. Находясь в квартире, она за четыре часа ни разу не услышала, как натянулись, громынув, тросы, значит, можно не утруждать себя тем, чтобы нажимать кнопку. Потеря времени.

Между вторым и третьим этажами она услышала, как хлопнула входная дверь. Кто-то вошел в подъезд. Но удивительно! – старушка даже остановилась – не было слышно шагов. Уже почти дойдя до почтовых ящиков, она с замиранием сердца услышала шорох за трубой мусоропровода...

Медленно ступая по ступеням, Клавдия Петровна скосила взгляд в сторону шахты. Из-за трубы торчала пола серого грязного плаща. Плащ подрагивала, словно хозяин плаща находился в треморе. Так дрожит кошка, перед тем как кинуться на воробья.

«Бомжи проклятые!.. – стараясь отогнать от себя страх, подумала Клавдия Петровна. – Что здесь-то ему нужно?!»

Когда проходила мимо шахты, ее неуязвимый с годами слух уловил едва различимое в тишине подъезда дыхание. Что-то было в этом дыхании настолько отталкивающее, что старушка, собравшись с силами, постаралась побыстрее спуститься вниз. И лишь вдохнув полной грудью уличного воздуха, она успокоилась и почти сразу забыла о своем не очень приятном спуске с лестницы.

Она вспомнила об этом лишь спустя десять минут, когда вновь увидела этот плащ...

Распахнулась дверь подъезда, и, держа воротник плаща у самого лица, вышел человек. Этот грязный серый плащ... И...

Клавдия Петровна, повидавшая на своем веку всякое, почувствовала, как ее обдало морозом. Не поднимая с колена руки, она перекрестилась на уровне живота.

На нее глянули мутные желтые глаза. И цвет тех глаз определить было невозможно – лишь желтый, ядовитый белок и черный, расширенный до предела зрачок. Человек только провел взглядом по Клавдии Петровне, но она мгновенно почувствовала тяжесть внизу живота и холод на сердце...

– Клава, что с тобой? – озабоченно закудаhtала старушка, сидящая напротив. – Маша, достань немедленно нитроглицерину!

Отмахнувшись, Клавдия Петровна встала.

– Должно, давление. Пойду до дому.

Подъем занял в два раза больше времени. Уже подходя к своей квартире, она услышала то, чего не слышала, когда спускалась: на лестничной площадке едва слышно звучала музыка. Ответ мог быть только один. В одной из квартир до конца не прикрыта дверь. Любопытство перебороло страх. Клавдия Петровна поднялась на этаж выше своей квартиры и с удивлением обнаружила, что приоткрыта дверь в квартиру ее бесшабашного соседа – Андрея Вирта. Собственно, она удивилась не самому факту открытой двери – в этой квартире часто бывала открыта дверь, и из нее, беспокоя по ночам соседей, раздавались громкие разговоры и звучала музыка. Гости в квартире Вирта не переводились. Было удивительно другое – дверь была незаперта, а внутри, не считая музыки, которая, кстати, к моменту подъема старушки на этаж стихла, была тишина.

И она вошла...

Клавдия Петровна не помнила, как добралась до своей квартиры. Она не помнила, как легла на диван и взяла в руку телефонную трубку. Очнувшись, она так и не смогла восстановить хронологию событий – она собиралась звонить в милицию или вызывать «Скорую»? Звонить в милицию нужды уже не было – вся площадка была заполнена милиционерами. Каменея от ужаса увиденного, она не сказала тогда милиционерам ни слова. Перед ее глазами, смешиваясь одна с другой, стояли две картины – истерзанный труп соседа и серый грязный плащ, исчезающий за углом дома. И посередине этого страшного наброска горели глаза цвета тухлого яичного желтка...

– Другими словами говоря, – подытожил Стариков рассказ Вербина, – бабка видела убийцу?

– Этого никто не говорил, – парировал Сергей. – Она лишь видела мужика, который пошатнул ее нервную систему. Из этого не следует, что он – убийца и нам следует принципом розыска избрать желтые глаза и серый плащ.

– Стоп, ребята, – как всегда к месту вмешался в разговор Макаров. – Но эксперты уверяют, что смерть наступила не ранее семнадцати часов. Как я понял из твоего рассказа, старушка видела труп около шестнадцати? Не в цвет.

– В том-то и заключается самое хреновое... – Вербин поерзал на стуле. – Когда Клавдия Петровна видела Вирта, он был еще жив. Кто-то «сделал» его так мастерски, что тот мучился еще около часа. Это не убийство, товарищи оперуполномоченные. Если верить нашему УК,

это не что иное, как причинение тяжких телесных повреждений, повлекших за собой смерть. Смешно, правда?

– Нет, не смешно. – Макаров вздохнул и полез в карман за сигаретой. – Все равно это будет квалифицировано как убийство. Бабке никто не поверит, а телу Вирта – да. Однако я вас поздравляю. Последнего маньяка в области задерживали пять лет назад. С почином... А откуда вообще взялся в доме этот Вирт? Соседи что говорят?

– В 1997-м, перед самой смертью мужа Клавдии Петровны, переехал к ним в дом какой-то парень лет тридцати пяти. Парень своей жизни не скрывал. Жены дома нет – он туда с бабами. Потом стало наоборот. Видно, бабе его надоело на это блядство смотреть. Он отсутствует – она мужика в дом. Несколько раз друг друга ловили, били о головы посуду, но почему-то жили вместе. Наверное, что-то держало.

– Любовь, – подсказал Саморуков. – Только любовь.

– Интересное кино получается. – Макаров до конца выслушал эту историю, но что-то в ней не вязалось воедино. Либо Вербин чего-то недосказал, позабыв, либо он сам что-то пропустил.

– А за что сидел муж старушки? – спросил Стариков.

– В девяностом его по восемьдесят девятой за кражу госимущества хотели приземлить, но переквалифицировали на сто сорок четвертую, и дед честно, до звонка, оттарабанил три года.

Макаров наконец понял, что его беспокоило в рассказе Вербина.

– Сергей, мне послышалось или ты на самом деле говорил, что старуха тебе счет предъявила за мужа и сына? Мол, по лагерям всю жизнь мотались?

– Я тоже слышал, – подтвердил Игорь.

– Тогда нескладуха. – Александр положил сигарету в пепельницу. – Дед сидел всего три года, и то на закате жизни. А сына она вообще в пятьдесят четвертом потеряла. Так за какие такие лагеря ты перед ней оправдывался?

Вербин поморщился.

– Понимаешь, Сань... Короче, ей год назад сообщили, что сына ее живым видели.

– Кто сообщил?

– Говорит – умерли они уже. В Волгограде жили. Соседи той бабки, которая работала в приюте и приняла сына.

– Фигня какая-то! – взорвался голодный Мишка Саморуков. – А они, в свою очередь, откуда узнали, что это их сын?

– В восьмидесятом, когда в Москве стали готовиться к Олимпиаде, начали там чистку среди криминала и бродяг. На одной из квартир в перестрелке один из оперов вогнал пулю в череп бандюка. Того бандюка опознали потом как найденьша одного из детских домов Москвы. Приехал он из Волгограда, где жил. При нем были какие-то бумажки на имя Киреева Тимофея Андреевича. Этот Тимофей, хапнув лбом пулю, по жизни слегка расслабился. Короче, выжил, но только телом. Мозги отстегнулись напрочь. Определили его в местную клинику как безнадежного. А через два года приехал какой-то спец из Слянска, то есть из нашего города, – пояснил непонятливым Вербин, – и привез Киреева сюда. Еще через год Тимофей преставился. Это было уже в восемьдесят третьем.

Макаров молчал долго.

– Что по камню?

Притухший было Вербин снова ожил.

– А вот по камню все гораздо интересней! Камень старый. – Услышав смех Старикова, он пояснил. – Ну, я имею в виду не возраст алмаза, конечно, а время его огранки! Сейчас так камни не гранят. Я был у мужика одного – он антиквариатом на Луговой заведует, так он в

свой «глаз» зыркнул на бриллиант, капнул чего-то и с ходу мне предложил пятьдесят тонн «зеленых». Я чуть не продал.

– Не понял, – поморщился Макаров. – Объясни.

Сергей вынул из кармана камешек и положил на стол перед сослуживцами.

– Вот и я не понял, пока он мне не объяснил. Так алмазы гранили лет сто назад. Сейчас другие технологии и методы. Камень явно из коллекции чьего-то прадедушки. Начало двадцатого века.

– Да, черт... – удивленно усмехнулся Макаров и положил камень в карман. – На самом деле, интересно. А вдова не объяснила наличие бриллианта в квартире?

– Объяснила. Если это можно назвать объяснением. Первый раз, говорит, вижу.

Выслушав рассказ Старикова об экскурсии в психиатрическую лечебницу, Макаров отправил его в Информационный центр ГУВД проверять картотеку на связи Вирта. Следом из кабинета был отправлен Саморуков – продолжать «делать то, не знаю что» – выборку освобожденных из мест заключения лиц, так или иначе общавшихся с Виртом в колонии. Это была работа на «совпадение», как называл такое бессмысленное на первый взгляд мероприятие начальник отдела. Только по зонам, в которых отбывал наказание Вирт, таких людей были сотни. Саморуков обладал одним важным, по мнению Макарова, качеством. У него была какая-то собачья интуиция. Собака, еще не учуяв, чувствует подходящего к дому хозяина. Так и Саморуков, даже не понимающий порой, как это происходит, тем более не могущий это сформулировать, из тысячного выбора безошибочно тыкал пальцем в искомое. И только потом начинал обосновывать этот выбор. Не стоит путать это с тыканьем пальцем в небо, ибо ошибался Миша очень редко. Таким качеством не обладал сам Макаров и по-хорошему завидовал Саморукову, справедливо полагая, что у того все еще впереди. Просто так, в двадцать пять лет, не попадают работать в отдел по раскрытию убийств...

Разослав подчиненных, Макаров остался наедине с Вербиным.

– Сергей, я тебя хотел попросить...

– Говори, – тут же согласился тот, вытаскивая из пачки очередную сигарету.

– Я сейчас пойду выбивать командировку в Москву. Попробую связаться с МУРом по поводу этого Тимофея Киреева. А ты мне напиши какую-нибудь «шкурку» по Тимофею, чтобы было чем перед генералом мотивировать. Подробно ничего излагать не нужно. Просто придумай что-нибудь, чему можно поверить. И вечером еще поговорим.

– Ты об этом хотел попросить?

– Нет... В восемьдесят четвертом году на территории микрогородка Арманский была зверски убита девочка. Начальник того райотдела, естественно, давно на пенсии. Найди его и оперов, которые работали по этому делу. В общем, Серега, расспроси как следует...

Вербин некоторое время смотрел на начальника, потом ответил:

– Хорошо. Сделаю.

Макаров посмотрел другу в глаза.

– Пора заканчивать с *этим*...

– С *чем*? – Вербин выждал максимум необходимого для ответа времени. – Саша?

– С *тем*, что я постоянно вспоминаю.

Глава 4

Ночь длинна.

Он раскрыл нож и, склоняясь на четвереньках над телом застывшей в судороге девочки, приблизил его к худой загорелой спине...

Резать было настолько приятно, что он закатил глаза и в истоме заурчал. Девичья плоть, вспарываясь, почти не давала крови на месте разреза...

Она раскрывалась перед ним, как покорная девственница перед неотвратимостью судьбы.

Человек помнил, как его учитель, работая при нем, бормотал вполголоса какие-то слова. Учитель вскрывал телам головы, а те дергались в конвульсиях. А еще, перед тем как резать головы ножом, учитель вкалывал в вены лежащих бурую жидкость, и они уже не могли кричать. Они лишь раскрывали от боли рот, но не издавали ни звука.

Сделав несколько неловких движений на коленках, он подполз к голове девочки...

* * *

– Саша! Где ты?!

Он с трудом разжал мокрые от пота веки.

Жена смотрела на него с ужасом.

– Где ты сейчас, Саша?! Боже мой...

Макаров с трудом опустил ноги на пол и потянулся непослушной рукой за висевшим на спинке кровати полотенцем.

– Сколько времени, Танюша? – пробормотал, уткнувшись в него лицом.

– Три... Три пятнадцать.

– Поспал...

– *Опять? Девочка?*

Он кивнул головой.

– Саша, пойдем к врачу... *Такое* невозможно терпеть постоянно. Ты сойдешь с ума! Я сама с тобой пойду, чтобы не сбежал! Пошли завтра к врачу!

– Спишут...

– Но с этим нужно что-то делать! Это нужно как-то лечить!

– Такое никто не лечит. Это нужно убить.

Он нащупал ногами тапочки и перебросил полотенце через плечо.

– Душ в три пятнадцать. Что может быть круче? Только душ в два пятнадцать...

Таня смотрела ему вслед и чувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Эти приступы начинались с мужем с приходом мая и заканчивались в конце лета. Словно кто-то невидимый ночью дергал за веревочки и хохотал от удовольствия, глядя, как молодой, крепкий мужчина лишается рассудка. Один раз тайком они сходили к бабке, известной в округе как целительница всех недугов. Макаров молча вытерпел все, что она вытворяла над его головой, а после всех этих «очищающих» мероприятий пришел домой и полночи не спал в ожидании кошмара. А когда уснул, через час Татьяна была вынуждена его разбудить из-за страха, что он проснется на рассвете сумасшедшим.

К врачам он идти отказывался. Психология – наука весьма относительная при уровне образования современных врачей. Попробуй заговори с этими психологами о своих проблемах! Им ведь тоже надо план давать. Как в ментовке. «Палочная» система. Раскрыто – столько-то, предотвращено – столько-то, задержано – столько-то. А врачам в поликлинике МВД только подкинь тему! Там лечат? Там фиксируют. Татьяна раз пошла в эту поликлинику как член

семьи сотрудника МВД. Нет женщин, у которых бы не было чисто «женских» проблем. Вот и пришла Таня с этими проблемами к гинекологу. Та ее осмотрела и сказала: «Варикоз, расширение, не вздумай рожать, будет летальный исход». – «У кого?» – «У всех. Тебе, милая, полный покой нужен». Таня с ревом домой. Макаров, узнав, куда она ходила на консультацию, выматерился вполголоса, взял ее за руку и отвел в платную частную клинику. Месяц Танька пила какие-то капельки, а еще через десять месяцев родила Машку. Здоровая девчонка родилась. Вот тебе и варикоз с летальным исходом. Но Макарова затащить к какому-нибудь известному психологу было невозможно. «Мои мозги – на то и мои, чтобы один я в них копался. А это все пройдет...» И все дела. Вот только не проходило *это*...

Макаров стоял под упругими струями теплой воды и по привычке искал плюсы в раннем пробуждении. В актив можно было зачислить лишь тот факт, что на бритве, завтрак и дорогу до ГУВД ему предоставлялось четыре часа, хотя при нормальном раскладе на все достаточно было бы и часа.

Переговорив с начальником, Саша решил изменить тактику. Действительно, какой смысл лететь в Москву, если можно сделать банальный запрос на Петровку, 38: в какой клинике числился больной с установочными данными на Тимофея Киреева, куда он был перенаправлен и по чьей инициативе? И второй вопрос: при каких обстоятельствах был ранен вышеуказанный фигурант и не проходил ли он ранее по оперативным данным МУРа?

По привычке приготовив завтрак на троих, Саша без аппетита прожевал свою порцию и отправился в любимое место в квартире – оборудованный своими руками кабинет. Четырехкомнатная квартира ему досталась от родителей. Отец, моряк-подводник, умер шесть лет назад. Последствия радиационного излучения при пожаре на субмарине все-таки оказали свое влияние на, казалось, бессмертный организм этого человека. Мать пережила мужа на два года, оставив сыну и его семье квартиру и старенькую «семерку». И если в квартиру Макаров вложил всю душу, перепланируя ее в течение трех лет, то к машине у него душа как-то не лежала. Выезжали с Таней да Машкой раз в неделю куда-нибудь за город или к теще.

Кабинет – гордость Макарова. По всем трем стенам от пола до потолка тянутся стеллажи с книгами. Среди них стоят три рамки, в них красуются его грамоты за призовые места по стрельбе и боксу на первенствах УВД и отцовская с уже пожелтевшими от старости парусами модель фрегата.

Лампа. Свет. Компьютер.

Лист бумаги.

Жирная полоса маркера поперек. Надпись слева: «Глупые вопросы». Справа: «Подходящие ответы».

Своим, понятным только ему почерком он написал: «Чей камень найден в квартире убитого?» – «Убийцы».

Не «катит». Зачем идти на такое преступление с бриллиантом стоимостью в полсотни тысяч долларов? Оставленный для ментов след. А если убийце наплевать? Наплевать, что его поймут? Может, он на самом деле псих? Меняем направление.

«Камень – Вирга».

Тогда почему его не забрал убийца? Не заметил? Ответы такие, и их можно смело записать. Первый – камень не является предметом преступления. Убийца шел причинять жертве мучения, а не преследовать имущественный интерес. Второй – камень был не один, их было много. Этот случайно закатился под тарелку, и убийца в суете его не заметил. Первый ответ подразумевает, что разговор идет все о том же психе. Второй не исключает этого же. Можно просто убить владельца камней, а не мучить.

Макаров почесал затылок и полез в стол за лупой.

– Камень, камень... Старой огранки... Что я смотрю-то?! – Макаров откинул лупу. – Специалист!..

Он дотянулся до телефона.

После восьмого гудка трубка прохрипела леденящим, словно из подземелья, голосом Вербина:

– Макаров... это ты?..

– Спишь? – Этот вопрос нужно было вписать слева на листе под № 1.

– Нет... Телевизор смотрю... – после паузы прохрипела трубка.

– Сергей, завтра...

– Сегодня...

– Да, сегодня. В общем, на работу не приезжай. Направляйся сразу в архив УВД и выясни, не проходили ли где по сводкам похищенные бриллианты. И второе. По каким еще ориентировкам в городе и области проходили приметы: серый плащ, человек лет пятидесяти на вид. Понял? Если в УВД ничего не найдешь – сам думай, где перепроверить.

– Все?

– Да. Спокойной ночи.

– Ага... Спасибо... И тебе того же.

Он положил голову на исписанный лист бумаги и закрыл глаза.

Через десять минут в кабинет вошла Таня и, стараясь шагать бесшумно, подошла к стеллажу, наклонилась и вынула из гнезда телефонную вилку.

* * *

Сторож базы «Сибирьдальпромрыба» допил оставшиеся в бутылке после бдительного дежурства полстакана водки, закусил подсохшим огурцом и вышел на свежий воздух. Смена заканчивалась через час, и можно было побродить меж складов, подумать о том, как прекрасна жизнь, как он после смены забежит в гастроном, купит еще бутылочку и дома разговееется. Мысли эти радовали.

Почувствовав позывы внизу свитера, он свернул за дальний от входа склад и, расстегнув брюки, прицелился в куст сибирской конопли. Процесс облегчения застопорился на полпути, когда мутный глаз сторожа рассмотрел босую, перепачканную кровью человеческую ступню. Впопыхах окропив обе брючины, сторож развернулся и бросился в сторожку – отдельно стоящий строительный вагончик. Там был телефон.

Сторож начал соображать рационально только тогда, когда схватил трубку и набрал 02.

«А что ты делал, сторож хренов, когда на охраняемой тобой территории резали человека?!» – прогремел над ним милицейский вопрос.

«А на хера нам нужен такой сторож, из-за которого у нас с ментами рамсы начинаются?!» – громом проревел над ним бас Пети Самарского – хозяина всех складов.

«Стоп, – сказал сам себе сторож и покосился на осиротевшую после выпитого бутылку «Пшеничной», – а не показалось ли мне чего?»

К складу он приближался очень медленно, словно боясь разбудить того, кто уже никогда не проснется.

Человеческая нога не исчезла, не испарилась. Она продолжала светлеть на фоне земли и серых кустов конопли.

Сторож сделал еще шаг и обомлел.

Прямо перед ним, на грязной земле, залитой за годы существования базы мочой сторожей и грузчиков, лежала обнаженная девочка тринадцати-четырнадцати лет. Ее длинные светлые волосы кровавыми клоками были словно ветром отброшены в стороны, открывая чудовищные увечья, которые может нанести только человек...

Окаменевший и в мгновение ока протрезвевший сторож машинально перевел взгляд на лицо девочки, и его рот исказился в судороге. *У девочки не было лица.* Содранная с лица кожа, отрезанные нос и губы...

Сторож, пятясь, зацепился ногой за ржавый автомобильный обод колеса и рухнул на землю, не сводя остекленевших от ужаса глаз с девочки.

Ему в лицо смотрели пустые окровавленные глазницы.

– Макаров здесь? – спросил Столешников, едва войдя в кабинет.

– Нет. Да и рано еще. Тебя тоже подняли? – Игорь сидел за столом и курил сигарету.

– А звонили ему? – не унимался Столешников.

– Звонили, да никто не отвечает. Может, это и к лучшему...

– Ты на *месте* уже был? – Столешников, казалось, состоял из одних вопросов.

– Тебя жду. Готов? – Стариков задержал руку с сигаретой над пепельницей.

– Поехали.

Игорь погасил окурок и поднялся.

– Подольше бы Саша не приезжал... – вполголоса пробормотал он.

Дальше отдела это не распространялось, но все в отделе знали о проблеме Макарова. Человек, не боявшийся никого и ничего, глядевший ежедневно в лицо смерти, страдал нечеловеческой мукой от того, что когда-то, семнадцать лет назад, не смог уберечь от страшной смерти девочку – свою ровесницу...

– Кто обнаружил труп? – спросил Макаров Старикова, рассматривая тело и что-то чиркая в своем блокноте.

– Сторож. В пять утра пошел обход территории осуществлять...

– Игорь, ты можешь человеческим языком разговаривать?! «Обход осуществлять»...

– А что, «делать» – лучше, что ли? – В голосе Старикова не было обиды. Он догадывался, что начальник опять всю ночь не спал, оттого и раздражительность.

– Проще выражайся. Как оно есть. Сторож проснулся в пять утра от того, что захотелось пописать, завернул за угол и увидел труп. Обмочился и позвонил в милицию. А его ты больше слушай! Он тебе еще расскажет, как убийцу с чулком на голове и с топором в руке пытался задержать, но тот ушел, гад. Дальше!

– А дальше все, как ты рассказал. С той только разницей, что, по его словам, находясь на противоположном конце базы, он услышал шум и прибежал к источнику его возникновения...

– Тьфу ты!..

– В смысле – сюда прибежал, на шум, – поправил сам себя Игорь. – И увидел труп.

– Прокуратура в дороге?

– Да, – ответил подошедший со спины Макарова Саморуков, – минут через десять будет на месте. Районная группа на заявку прилетела и сразу сориентировалась – отзвонились в ГУВД и прокурору.

К Александру подошел дежурный опер района.

– Ты уж извини, Саш, что стрелки перевели. Понятно, сюда следаку прокурорскому ехать нужно, а не нашему. А вас из ГУВД подняли. Да и случай аналогичный прошлому. Ты ведь занимаешься?

– Что ты, мой золотой Витенька, извиняешься, как в детском саду? Не сейчас, так через час бы подъехали. Кстати, «розыскникам» по без вести пропавшим звонили насчет девочки?

И, не дожидаясь ответа, повернулся и пошел к сторожке.

– Должно быть, нет...

– Я как услышал – сразу бегом к складу номер восемнадцать! Сначала подумал, что опять мальчишки двери ломают. Там шоколад хранится. А потом крики раздались. Я – еще быстрее. Подбегаю – поздно! Как увидел, что творится, – бегом звонить в милицию.

– Не убегался, спринтер?

– Чего? – не понял сторож.

– Я спрашиваю – не утомился всю ночь бегать? – надавил Макаров, глядя прямо в глаза сторожу.

Саморуков и Стариков, подперев плечами противоположные стены вагончика, понимающе молчали. Бык дерется – козел не лезь.

– Я честно говорю, – пожал плечами сторож.

– Ты свое «честно» к жопе прибай и всем, кроме меня, показывай. Кровь на трупе уже черная, засохшая, а это говорит о том, что смерть наступила часов десять назад. На теле уже пятна трупные проступают, а ты меня тут фуфлом кормишь! Может, тебя встряхнуть немножко для просветления памяти? Какие ты тут крики два часа назад мог слышать, алкаш?

Сторож уже понял, что переборщил с «показаниями».

– Женские...

– Так. – Макаров повернулся к выходу. – Этих двоих я никогда не оставляю наедине с людьми. Это всегда заканчивается печально для тех людей. Но, коли разговор не клеится...

– Ошибся я, наверное!

– Так. – Саша снова развернулся к сторожу.

– Спать захотелось в пять часов, пошел к складу, а там...

Макаров посмотрел на покрасневшего Старикова.

– В общем, наврал я. Боялся, что с работы выгонят. Меня посадят за дачу ложных показаний?

– Как на базу еще можно проникнуть, кроме центрального входа? Если окажешь помощь следствию, замолвлю за тебя словечко перед генеральным прокурором.

– Пошли покажу!!! Я тут все знаю! Третий год сторожу...

* * *

Вербин регулярно отзванивался в течение дня, поясняя Макарову, что он то в архиве УВД, то в картотеке Управления исправления наказаний, то почему-то на квартире доктора исторических наук Муромова, о котором Макаров представления не имел совершенно никакого. Приехал он лишь к пяти вечера. Рубашка на нем была мокрая, он безостановочно обмахивался промокшим насквозь носовым платком. Рухнув на стул в кабинете Макарова, он бросил перед собой жестом фокусника истрепанный ежедневник.

– Пивка бы сейчас. С литр!

Саша пронизывал друга взглядом, пытаясь понять, удался трюк с архивом или нет. Но пробить взглядом матерого Вербина – все равно что дятлу пробить железобетонную опору моста.

– Не томи. – Это прозвучало как угроза.

– Пива, говорю, хочу. Пойдем, Макаров, в парк, по бутылочке зальем? А еще лучше – в розлив. Ты любишь, Макаров, пиво в розлив?

Александр молча поднялся, проверил наличие в бумажнике и взял со стола ключи.

– Да я и сам предложить хотел. В центральном пиво лучше, а в том, что за управой, – народу меньше. Так куда?

– А мы возьмем в центральном и перейдем дорогу. И там, за управой, мы будем почти в одиночестве пить хорошее пиво.

– Под окном начальника ГУВД...

– Первый раз прятаться, что ли?

Через полчаса два офицера милиции сидели под деревом в пятидесяти метрах от стены областного ГУВД и нарушали статью Кодекса об административных правонарушениях – «Распитие спиртных напитков в общественном месте». Хотя общественным это место можно было назвать с большой натяжкой. Ни один нормальный человек не полезет в эти кусты по причине их непроходимости и колючести. К тому же ментовка – рукой подать. Таким образом, небольшая лужайка среди кустарника за зданием ГУВД являлась самой экологически чистой зоной в городе. Тут никто не гадил и не мусорил. Здесь иногда и размышляли о существовании бытия за бутылочкой пива Макаров с Вербиным.

– Ну, так что с архивом? – напомнил терпеливый Александр.

– Слушай... – Вербин открывал бутылку ключом от кабинета. – А почему ты решил архив проверить?

Макаров почувствовал, как у него теплеют ладони.

– Накопал что-то?..

– Накопал? – Сергей приложился к бутылке и в три глотка ополовинил емкость. – Кха!.. Накопал? Когда я тебе скажу, что я накопал, ты маму потеряешь!..

Глава 5

А буквально за час до приезда Вербина из кабинета Макарова вышла молоденькая девушка – следователь прокуратуры. Вряд ли она предполагала, закончив юрфак и устроившись на работу в прокуратуру, что ей чуть ли не ежедневно придется описывать и переворачивать с боку на бок пахнувшие кровью и нечистотами трупы, допрашивать людей, превративших живую плоть в мертвую, и в ответ на вопрос «почему вы это совершили?» слышать ответ «черт его знает, так получилось». Однако кабинетная работа – не для следователя прокуратуры. Понимая это, Макаров, матерый оперативный волк, пошел на хитрость.

– Алло, здравствуйте! Следователя Бородулину можно пригласить к телефону? А, это вы?! Извините, не узнал. Я вот по какому поводу... Вы в ГУВД когда собираетесь? Сегодня? Замечательно! А я вот из кабинета вырваться не могу. Может, зайдете на пару минут, когда приедете? Вот и отлично! Я вас жду...

Этот разговор был утром, а в три часа дня Бородулина была уже у Макарова. Поговорив о перспективах раскрытия и о том, стоило ли сводить в единое производство дела убийства Вирта и пока неустановленной девочки, как это велел сделать прокурор, Александр перешел к тому, зачем, собственно, и добивался встречи.

– Виктория, вам нравится то, чем вы занимаетесь? Я спрашиваю так потому, что знаю: самое трудное – это начать. Следователями, как и оперативниками, не рождаются. Ими становятся. И то, что они переживут на первых порах становления, отложится у них на всю последующую жизнь. Вам, конечно, легче было бы, если бы пришлось расследовать дело о взятке или, скажем, о превышении кем-нибудь своих служебных полномочий. Потом, понемногу набираясь опыта, перейти к более сложным в физическом и психологическом плане делам. Но вышло так, как вышло. Первым своим делом вы получили дело маньяка. Вы уверены, что справитесь?

– Да, – взглянув в глаза Макарову, ответила девушка.

Ему это понравилось. Люди, смотрящие в глаза, – уверенные в себе люди. Не самоуверенные, а уверенные в себе. Между двумя этими понятиями – пропасть.

– Вика, будут... еще смерти. Я уверен в этом. Если мы будем... – он чуть было не сказал «блевать в ванной», но вовремя спохватился, – ...если мы будем сидеть сложа руки. От вашего профессионализма зависит половина нашей общей работы. Если в нашей цепи выпадет по любым причинам хоть одно звено, будет беда. Этих смертей будет еще больше. Если вы чувствуете, что не справитесь, я выйду на прокурора области. Я смогу убедить его отдать дела более опытному следователю...

– Я справлюсь, – перебила его следователь.

– Тогда – партнеры? – улыбнулся Макаров и протянул ей руку.

– Партнеры! – обрадовалась она.

Уже выходя, она остановилась у двери.

– Скажите как опер... Установлено, что смерть девочки наступила около девяти часов вечера. Какой смысл был перетаскивать тело через забор ночью и подбрасывать его на базу? Ведь это огромный риск – перемещать тело ночью. Обычно маньяки оставляют жертву на месте насилия. В нашем случае неманьяк так уродовать не будет. Почему же он стал перемещать труп? Значит, это не просто маньяк, а изувер, действующий с каким-то смыслом. Я права?

Макаров внимательно посмотрел на девушку. Кажется, она действительно справится...

* * *

– Что же ты мне такого расскажешь? – настороженно глядя на «собутельника», спросил Макаров. Его только что открытая бутылка еще дымилась пивными парами. Но он про нее, казалось, забыл.

Вербин старательно допил пиво, катнул бутылку, как шар боулинга, в куст и достал сигарету.

– Я буду очень краток. Сорок камней весом по три карата каждый из коллекции графа Муромова исчезли в неустановленном направлении в вихре революционных преобразований начала столетия. Таким же неустановленным путем указанные камни обнаруживаются в 1978 году в коллекции одного из антикваров Харькова. После того как сотрудники местного УГРО получают на эту тему оперативную информацию, камни вновь исчезают. В квартире антиквара совершена высококвалифицированная кража. Опера не успели буквально на пару часов. Понятно, что антиквар молчит как рыба: в семьдесят восьмом сообщить о том, что у тебя украли алмазы, – чистое безумие. Можно было намотать срок самому себе. Но информация пролетела, и опера начали отработку. Все держалось только на словах, без официальных заявлений, поэтому оперативный интерес сыскарей в этом направлении потихоньку угас. С тех пор известны лишь две вещи. Камни были – раз. Второе – к разбою причастен некто Степной, в то время гастролер без определенного места жительства. В ИЦ есть информация, что существует «законник» с таким погонялом, но где он и чем живет сейчас, если еще живет, – неизвестно.

Макаров сидел спокойно. Информация Вербина не несла в себе ни сенсации, ни подделки. Просто всплыла история камней – не более того. Что тут удивительного? Раз есть камни, значит, должна быть и их история. Он продолжал молчать, придерживаясь своего старого правила: никогда не перебивай человека, который пытается связать свой рассказ в логично выстроенный домик. Пусть закончит, подумает, вспомнит, добавит и скажет: «Все». Все вопросы – после «все».

– Что ты ее держишь, как микрофон? – Вербин показал глазами на бутылку в руке Макарова.

Тот послушно отпил пару глотков.

– Так вот, дальше. Я на всякий случай протянул родословную этого самого графа Муромова. Очень интересный факт – его внук живет у нас в городе, иногда читает в университете лекции по истории. Доктор наук. Но пьет, как сантехник. Оказался еще тем старичком! Пришлось сбегать за бутылкой «Арарата» в близлежащий гастроном. Убытки учти при начислении премии. Если она будет.

– Кофеварку получишь, – пообещал Макаров.

– На хрен она мне сдалась?! – возмутился Сергей. – Дома две стоят, глаза мозолят, а кофе молотого купить не на что. Чайком пробавляюсь... Так вот, Муромов после третьей рюмочки рассказал, что камешки его деду сам батюшка-государь Александр Второй подарил. А знаешь, кем был граф Владимир Муромов? Жизни тебе не хватит, чтобы догадаться: тайным советником Московской сыскальной полиции. Знал самого Андрея Дмитриевича Путилина. Тот занимал аналогичную должность в петербургской полиции. Вот так бывает – Путилина знает каждый уважающий себя мент, а Муромова – нет... Так, если пиво не хочешь, то отдай его мне!

– Щас! – возмутился Макаров и приложился к бутылке. После услышанного ему на самом деле нужно было промочить горло. Все начинало складываться в какую-то схему, но в какую именно и где зацепка – он не понимал.

– Кстати, Муромова на всякий случай в тридцать восьмом зацепили по статье 7-35 да на пять лет в Караганде «приземлили».

– Это что за статья такая? – удивился Саша. – Про пятьдесят восьмую слышал, а вот про 7-35...

– Объясняю – «Связь с преступным миром». Кстати, жалко, что ты мне алмаз не дал. Показал бы я деду для опознания. Говорит, у него есть описание этих камней, и еще он может поднять в каких-то ихних исторических архивах фамилию мастера. Короче говоря, чувствую я неподдельный интерес деда к камешкам. Может, хочет помочь нам их найти, а потом, как это сейчас модно, – унаследовать? У него мозги еще варят как надо! Помнит все, чуть ли не по дням.

– Мы не камни ищем. Завтра созвонись с ним и забей «стрелку» для опознания. Может, хоть здесь след какой потянется.

– Уже забил. Завтра в одиннадцать ждет. – Вербин вздохнул. – Теперь ты коньяк покупаешь...

– Он что, алкоголик?! – возмутился Макаров.

– Нет, алкоголики столько не живут. Но выпить рад. После второй стопки его речь ручейком в уши течет.

– Может, это после твоей второй стопки его речь тебе в уши ручейком побежала?

– Нет, Саша, – не обиделся Вербин, – ты не прав. Знаешь ведь сам – меня и двумя бутылками не свалить, а уж двумя стопками... Кстати, дед мемуары пишет и какую-то работу о развитии оружейного дела на Руси.

– Все?

– Все.

Макаров поднялся с травы и аккуратно, чтобы не звякнула, положил свою бутылку рядом с бутылкой Вербина.

– Завтра вместе поедem. Который час?

– Без пяти шесть.

– Пошли, сейчас ребята подтянутся...

Закинув в рот по таблетке заранее припасенного «Рондо», Макаров и Вербин миновали на входе сержанта с «кипарисом» у бедра и стали подниматься по лестнице ГУВД...

Саморуков и Стариков были уже в кабинете. Они поздоровались за руку с Вербиным, которого не видели со вчерашнего дня, и Стариков сообщил:

– Саш, там внизу, в дежурке, пэпээсники мужика приволокли, подходящего по ориентировке, с Береговой. Пока его поднимать не стали, тебя ждем.

– Напрасно не стали, – возразил Макаров, перекатывая языком раздирающую слизистую оболочку рта таблетку. – Я что, запретил бы вам это? Миша, давай сюда этого гражданина...

Гражданин являл собой точно описанный Маргаритой Николаевной, соседкой покойного Вирта, объект. На вид сорок пять лет, среднего роста, едва заметная седина, коричневая куртка, «джонсы». Согласно рапортам двух сотрудников патрульно-постовой службы, данный гражданин был задержан в квартале от дома Вирта полчаса назад.

Макаров показал на него глазами Саморукову и Старикову – «поработайте», а сам сел в стороне и закурил.

Опера разместились так, чтобы после их вопросов человеку, отвечая, пришлось вертеть головой то вправо, то влево – элементарный прием, чтобы сбить подозреваемого с толку. После этого Саморуков стал крутить в руке часы, а Игорь защелкивать и снова открывать наручники. Это тоже не добавляет допрашиваемому ни уверенности, ни возможности сосредоточиться.

– Где живете? – спросил Стариков.

– В городе, – ответил задержанный.

– В каком? – поинтересовался Саморуков.

– В этом.

– Тогда, наверное, нужно адрес сказать? – заметил Стариков. – Вас ведь не в Суринаме задержали?

– Я на улице Ломоносова живу. В доме номер семьдесят.

– Еще бы квартиру узнать... – попросил Саморуков.

– Восемь.

– Все правильно, – объявил Стариков. – Все сходится. Квартира номер восемь.

– Что сходится? – спросил мужик. – Что может сойтись?!

– Может, вам дать бланк и вы нас допросите? По всем правилам? Вы будете спрашивать, а мы отвечать. И когда мы захотим что-либо узнать, вы нам скажете: «Может, вы рот закроете, поскольку здесь спрашиваю я?»

Мужик понял и обмяк, решив дожидаться разгадки тайны своего задержания.

– Как давно вы знаете Вирта?

– Какую вирту?..

– Андрея Вирта, – уточнил Стариков. – Вы ведь двадцать восьмого мая последний раз с ним виделись?

Макаров понял, что Игорь прокололся. Не нужно было называть число. Если мужик знает Вирта и поймет, что его «прижали», он назовет любое число до двадцать восьмого. И тогда все будет в порядке. Можно будет «крутить» его дальше с надеждой на перспективу. А сейчас он будет «бодаться» до последнего, уверяя всех в том, что Вирта он не знает, потому что на него пытаются повесить *убийство*, а не *знакомство*.

– Понятия не имею, о ком вы говорите. Я не знал никого с фамилией Вирт...

«Стоп!» – сработало в голове у Саши...

– А почему – *знал*, а не – *знаю*? – Он вонзился глазами в переносицу мужика.

– Не знал до этого момента. Впоследствии, может быть, узнаю. – Тот смело поднял глаза на Макарова, но почти сразу отвел.

– Тогда что вы делали в его квартире двадцать восьмого мая?

– Назовите адрес! Я много где бываю. Может, и был где-то двадцать восьмого мая, но я необязательно должен знать, кто там проживает.

– То есть? – удивился Саморуков.

– Вы кем и где работаете? – уточнил вопрос Макаров.

– Я опросом общественного мнения занимаюсь. От мэрии города. Вы вообще понимаете, что мое задержание и все эти разговоры незаконны? Я ведь буду жаловаться.

– Ваше полное право, – согласно кивнул головой Вербин. – За пять лет работы в этом отделе я не помню ни одного, кто бы уходил из этого кабинета без подобного обещания. Отдел все еще стоит, а я продолжаю в нем работать. Недавно звание генерал-полковника получил.

Макаров написал на блокнотном листке: «Срочно тащи сюда М.Н. для опознания» и незаметно передвинул записку Вербину. Тот скосил глаза, поднялся и вышел.

Через две минуты он уже выводил свою «шестерку» на дорогу и размышлял, пропуская мелькающие мимо него машины: «Санта-Барбара» закончилась или еще нет? Если нет, то старая не поедет. А если проявить настойчивость, та поедет, но из злости сделает все наоборот: коли мужик тот, она его не признает, а коли не тот – скажет, что он. Возраст, блин... Капризные все.

Глава 6

К исходу дня стали совершенно очевидны три вещи. Во-первых, труп девочки перестал существовать как неустановленный. Истерзанным ребенком оказалась жительница того же района, в котором было совершено убийство Вирта. Имя тринадцатилетней Евы Милешиной вписалось кровавой строкой в список жертв садиста. В семь вечера девочка вышла из дома и направилась к подруге. В двенадцать часов ночи родители забили тревогу. Идиот помощник дежурного райотдела не принял заявку родителей о пропаже ребенка. «Сейчас все они такие. Нагуляется и придет. Вот если и завтра не появится, тогда приходите. Мы ее запишем, заполним все карточки, зарегистрируем дело...» К этому времени Ева Милешина была уже мертва. Она так и не была выставлена в розыск как без вести пропавшая. Родители опознали ее в морге по шраму на руке. Трехлетняя Ева нечаянно уронила себе на локоть горячий утюг. Отец рассказывал розыскникам, что она так тогда плакала...

Во-вторых, объект Маргариты Николаевны остался ею неопознанным. Защищая закон, обязательно где-то его нарушишь. Так и сделал Вербин. Вместо официального опознания он привез свидетельницу в ГУВД, подвел к открытому кабинету и в щелку показал задержанного. Если бы Маргарита Николаевна сказала – «он», можно было бы смело проводить законное опознание. Но она посмотрела в просвет на мужика, прищурившись опытным взглядом бывшей вахтерши, потом протерла рукой глаз и заявила опешившему Вербину:

– Ты че такой бестолковый? Я же сказала – у того глаза серые были! А у этого – карие!

– Вы что, в глаза ему смотрели с четвертого этажа на третий?! – рассердился Вербин. – Смотрите хорошо!!! Все тут – куртка, седоватый, «джонсы»! Что еще надо?

– Вот бестолочь, а! – не унималась та. – Я же сказала – глаза серые!

– Но вы же еще говорили – «то ли серые, то ли зеленые»! А может, то ли карие?! Куртка, «джонсы»!..

– Не он.

Вербин плюнул. После такого «опознания» было бы дико приглашать следователя для опознания официального. Он отвел бабку в «дежурку» и попросил отвезти ее домой. Вскоре ее привезли на «Жигулях» с мигалками прямо к дому, и остаток вечера она гордо рассказывала соседкам, как ее привлекли органы для расследования убийства.

После этого Макаров велел Старикову «зарядить» за мужиком «наружку» и провести полную оперативную установку по домашнему адресу.

И, наконец, третья.

В деле появился некий фигурант по кличке Степной. Как бы ни развивались в дальнейшем события – он прямо или косвенно замешан в истории с камнями, образец которых Макаров обнаружил рядом с трупом. Камни старые, история старая, а труп – только что образовавшийся. Кто он такой, этот Степной?

И есть ли смысл связывать воедино всю полученную информацию?

Сорокапятилетнего Матвейча, не связанного с домом, как и с остальной частью Слянска, пропиской, в этом доме тем не менее знали все. Матвейч был бомжем и ничуть из-за этого не переживал. Будучи когда-то отменным слесарем на «Сибмашстрое», он неплохо зарабатывал, имел семью, машину и дачу. На этих шести сотках с удовольствием трудились жена и сын, пока последнего не забрали в армию. Через два года сын приехал из Чечни и еще через год пополнил коллектив колонии общего режима. Случай, в общем-то, банальный. Шел с девчонкой через парк, троих граждан-одногодков разочаровало выражение лица Димки. Полудебильный разговор: ты откуда? – ты кто такой? – дай закурить – почему не куришь? – а может, ты педик? – закончился сотрясением мозга, переломом двух рук и одной ноги. Суд усмотрел превышение

какой-то обороны, про которую Димка в Чечне и слыхом не слыхивал, и по второй части этой статьи его «приземлили» на четыре года. С этого момента все для Матвеича пошло кувырком. Он запил. Сначала – от обиды за сына. Потом продолжил пить по необходимости. Потом развалился завод. Потом ушла жена, и, убедив Матвеича в том, что ей с сыном, когда тот вернется, нужно будет где-то жить, а с Матвеичем это уже невозможно, она (с согласия слесаря) оформила квартиру на себя и исчезла в неизвестном направлении. А Матвеич остался. В подъезде своего дома. Один. Но потом, к его изумлению, все стало как-то меняться. Однажды, когда он сидел под лестницей первого этажа и пересчитывал добычу – собранные на его «территории» емкости из-под пива, водки и вина – и прикидывал, хватит ли этого на бутылку «белой» и полбуханки хлеба, дверь в подъезд отворилась, и с шумом ввалилась компания. Во главе этой компании был Верник, Верников Анатолий – он жил в двенадцатой квартире. Этот сорокадвухлетний мужик вместе с холодным облаком с улицы затащил за собой двоих парней и троих девиц. Компания весело хохотала и почти валилась с ног от выпитого. По привычке Матвеич сжался и стал почти прозрачным. «Новых» нервировать не стоит – дорого обойдется. Но одна из девиц вдруг удивленно спросила, ткнув в бывшего слесаря пальцем:

– Ой, а кто это?

Верник нахмурил брови и уставился на бомжа.

– А-а! Да это наш Матвеич!

Тому стало не по себе. Ведь могут и побить... Надежду вселил все тот же Верник.

– Отстаньте. Он тут живет.

– А чтой-то он здесь живет? – пьяно покачиваясь, спросила одна из «дам».

Вместо ответа Верник толчком направил их на верхний этаж в направлении своей квартиры и, повернувшись к Матвеичу, с улыбкой спросил, доставая из кармана шикарной куртки бумажник:

– Матвеич, «Пассат» мой постережешь? – И протянул еще ничего не понимающему бомжу сотенную.

Бывший слесарь сконцентрировал свое внимание на купюре, подсчитывая эквивалентный ей заработок на сборе бутылок. Считал он неплохо, поэтому почти моментально осведомился:

– Андрюша, кого поссать покараулить? Ты только скажи. Я – махом.

Верник от души рассмеялся, засовывая деньги в руку Матвеича.

– Не поссать, а машину мою, «Фольксваген»! Стоит у подъезда.

– Андрюша, без вопросов...

Со следующего дня жизнь бывшего слесаря стала входить в новую колею. Неожиданно начальник ЖЭУ предложил Матвеичу одну из кладовок в подвале дома, где тот жил. А потом и небольшую подработку – уборку снега перед домом. Жильцы подъезда, хорошо зная Матвеича, и без того были рады его почти безвозмездной помощи в ремонте квартир, поддержании чистоты и порядка в подъезде. От каждого понемногу – этого вполне хватало бывшему квартиросъемщику из этого подъезда. Довольно скоро Матвеич сделал у себя в подвале ремонт, и благодаря его умелым рукам появилась неплохая по нынешним бомжовским меркам квартира. Жильцы несли ему пустые бутылки и мелочь. Поэтому Матвеич не переживал, что был бомжем.

Он был почти счастлив, попав из грязного, пахнущего мочой подъезда в затхлый, но теплый подвал, где имелась даже кровать (подарок Верника), когда раздался этот проклятый крик...

Это был не крик – вопль ужаса...

Мужской голос почти не был мужским... Когда Матвеич работал на заводе, в цехе одного из мужиков прижало воротами, и он умирал почти минуту, пока его ребра ломал автоматиче-

ский запор. Ему никто не мог помочь, и от понимания этого и от крика умирающего Матвейч чуть тогда не сошел с ума.

Но этот крик...

Матвейч приподнялся на топчане и прислушался. И, хотя больше не слышно было ни звука, в его ушах стоял этот вопль. Он подошел к двери каморки.

Тихо.

Матвейч отворил дверь и пошел к лестнице, ведущей наверх, в подъезд.

Две ступени...

Четыре...

Его ухо уловило какие-то чавкающие звуки. Бывшему слесарю стало жутко.

Матвейч, как под гипнозом, продолжал подниматься по лестнице...

Вот она, полоска света в подъезде. Матвейч сам ввинчивал лампочки и следил, чтобы их не выкручивали хулиганы.

Первое, что он разглядел, были кроссовки Верника. Ноги подергивались и слегка елозили по полу. Округлившимися от ужаса глазами бомж увидел густую лужу крови, расплывавшуюся под ногами.

Он сделал шаг вперед, и, когда ему открылась вся картина, он остолбенел, не в силах более двигаться.

Благодетель Верник лежал на спине и в агонии сучил ногами. Его лица видно не было, потому что на его животе сидел *кто-то* и *что-то делал*, закрывая лицо спиной, обтянутой серым плащом... Что именно происходило, Матвейч не знал.

Внезапно сидящий на Вернике замер и, помедлив, резко обернулся.

На Матвейча смотрели почти желтые глаза, подернутые пеленой безумия. С перекошенного рта вязкой ниткой свешивалась слюна.

Сидящий на Вернике встал и сделал шаг навстречу бомжу...

Но тот не смотрел на него. Матвейч, как замороженный, уперся взглядом в пустые окровавленные глазницы, в которых раньше светились пьяным весельем глаза Верника...

Неизвестный сделал еще шаг вперед, и на его лице появилась *улыбка*.

Где-то на втором или третьем этаже хлопнула входная дверь и раздался стук ведра о бетонный пол. Матвейч взмолился, чтобы тот, со второго или третьего этажа, скорее нес бы свое помойное ведро. Ну, скорее же!..

Неизвестный, услышав то же самое, что и бомж, стер с лица гримасу, быстрым шагом прошел мимо Матвейча и растворился в темноте улицы.

Когда он проходил мимо, бывший слесарь почувствовал, как его обдало знакомым, но еще непонятным и страшным запахом.

Он вспоминал этот запах еще три часа, уже сидя в кабинете районных оперативников и тупо глядя в трещину на стене их кабинета. Его спрашивали: «Зачем ты убил Верника, сука?», а он молчал и вспоминал, вспоминал...

Прозрение пришло неожиданно. Он вспомнил запах лишь тогда, когда в кабинет зашел некто по фамилии Макаров в сопровождении двоих крепких парней.

Тот запах был запахом свежевыкопанной ямы...

– Водка есть? – спросил Макаров, рассматривая сидящего на стуле в состоянии анабиоза мужика.

– У меня только «местная». Будете? – Молоденький оперативник с уважением разглядывал уверенного в себе представителя областного ГУВД.

– Да не мне... – поморщился Саша. – Ему налей полстакана. Иначе мы в гляделки до утра играть будем.

Матвейч, словно воду, медленно выпил водку и поставил стакан на край стола. Ничего пока не изменилось. Пять ментов продолжали стоять над бомжем из пятого подъезда дома на улице Сакко и Ванцетти.

Внезапно Саморуков шагнул к нему и наотмашь ударил ладонью по щеке. Голова мужика качнулась в сторону, но когда она вернулась в исходное положение, в глазах Матвейча уже зажглись искорки разума.

– Отошел? – сочувственно поинтересовался безжалостный Мишка.

По глубокому выдоху все поняли, что отошел.

– Что произошло? – Макаров придвинул себе стул и по-ковбойски сел на него верхом напротив слесаря.

– Да что произошло! – воскликнул один из молодых оперативников. – Завалил он Верника!

Стариков повернулся к районным операм.

– Вышли.

– В смысле? – спросил один из них, прекрасно понимая, что им сказали.

– Я сказал – вышли, – еще тише, но более угрожающе проговорил Игорь.

Когда за ними закрылась дверь, Александр снова спросил:

– Что произошло?..

... – Как выглядел?.. Лет пятьдесят, наверное, седина есть... Роба такая гадкая, мерзкая. Перекошенная какая-то... Слюни текут. Ростом вот с него будет. – Матвейч показал пальцем со сломанным ногтем на Старикова. – Бля буду, как вспомню – жить не хочется... Глаза такие желтые, как у желтушника...

– Во что был одет?

– Плащ серый, измятый весь. Только плащ заметил. Может, и на него бы не обратил внимания, да полы так странно торчали в разные стороны, словно картонные. Грязный, наверное, плащ-то...

Саморуков хотел было спросить, видел ли бомж какое-нибудь оружие в руках убийцы, но, глянув на Макарова, осекся на полуслове. На лице начальника отдела выступила испарина.

Саша, чувствуя, как начинает учащаться пульс на висках, достал из кармана платок.

– Брови белесые, бесцветные, губы тонкие? Подбородок острый? Верхняя губа чуть выдается над нижней?..

Матвейч вскинул на Макарова удивленный взгляд.

– Точно...

Опера, привыкшие ко всяким «закидонам» своего шефа, не вмешивались. Они молча разместились, как на насестах, на столах районных оперативников.

– Лет пятьдесят, говоришь?.. – Саша задумался. – Точно, лет пятьдесят. Все правильно...

* * *

Немного поговорив с районными оперативниками, Макаров велел «притормозить» Матвейча до утра, установить его личность, прошлое и затем отпустить на все четыре стороны. Он понимал, что после его отъезда молодые, еще не видевшие горя парни будут продолжать трясти слесаря на признания во всех тяжких и, возможно, принудят даже написать какую-нибудь явку с повинной. Этим документом потом можно будет смело подтереться. Но такова уж суть этих неопытных парней. Макаров давно миновал этот период работы опера, когда желаемое выдаешь за действительное и так сам себя уверяешь в своей правоте, что, когда приходит момент истины, наступает разочарование. Опера делятся на тех, кто безболезненно минует этап становления, становясь мудрее и опытнее, и на тех, кто заикливается на этом,

находя в подмене аргументов основу своей работы. Когда двадцатитрехлетний Саша Макаров впервые переступил порог райотдела в должности оперуполномоченного уголовного розыска, то с удивлением заметил, что простыми операми «на земле» трудятся сорокалетние мужики. Они не лезли в дела друг друга, редко видели свои семьи, пили в кабинетах водку и разговаривали о футболе. Они почти не пьянели и после бутылки «белой» просыпались на кабинетных стульях по малейшему зову дежурного, чтобы выехать на очередную «заяву».

Первый месяц, находясь в стажерах у матерого опера Николая Семеновича Пикалева, Макаров ненавидел весь свет.

Первое, что сделал Пикалев, – это попросил Сашу написать на листке бумаги план предварительного допроса подозреваемого, а проще – «раскола». «Мне не нужны подробности. Я хочу знать, что ты будешь делать с дядькой, на которого у тебя ничего нет, кроме твоей уверенности в его причастности. Пиши – первое, второе и так далее. Можешь не торопиться. Работай до обеда».

Пикалев появился в обед. Завел в «дежурку» какого-то мужика, заварил себе чай и сел за стол.

– Написал?

– Да. – Саша протянул ему исписанный лист.

Николай Семенович не спеша пил чай и косил глаз на листок. Прочитав, встал и снова направился к чайнику.

– Можешь этим листом жопу вытереть.

Это была рецензия.

От возмущения Сашка едва не задохнулся. Четыре часа творческой вдумчивой работы!..

Пикалев вернулся на место.

– Вот что ты пишешь? «Расспросить, что фигурант делал на момент совершения преступления. Есть ли у него алиби». – Он отхлебнул из стакана. – Тебе на кой хер нужно его алиби? Ты что, адвокат? И что значит – «расспросить»? Ну, скажет он тебе, что на момент совершения грабежа он находился в противоположном конце города. Дальше что?

– Выяснить.

– Милый мой, это в фильмах на протяжении семи серий опер ищет похитителя скрипки Страдивари. Уточняет, выясняет. Все правильно. Но в фильме не показывают, как начальник «уголовки» дерет его за остальные «скрипки». Фильм закончился, и опер остался молодцом. А тебя будут драть всю жизнь, и этому фильму ужасов не будет конца.

– Так что же делать?

– Написать первым пунктом плана – «расспросить Семеныча», то есть меня. Что жулик хочет, разговаривая с тобой?

– Скрыть истину.

– «Скрыть истину, выяснить изначальное»... Попроше, пожалуйста!

– Обмануть.

– Нет! Обмануть – это слишком просто. Это – посмеяться и разойтись в разные стороны. Он стремится во что бы то ни стало тебя нае...ть! А ты что должен сделать?

– Его нае...ть.

– Нет! Ты его должен обмануть. Ты должен работать легко, смеясь. Понял?

Сколько Сашка ни мучился, он не мог выдать из себя воспоминания о том, чтобы в школе милиции речь шла о чем-то подобном. Молодой Макаров растерялся.

– В одном случае из десяти у тебя есть на человека четкая оперативная информация, – продолжал Пикалев. – Еще в двух случаях – бабка сказала на лавочке. А в семи случаях из десяти у тебя ничего нет на жулика. Вообще ничего, кроме твоей уверенности! Но ты знаешь, что «темняк» повесил именно он! Он, и никто иной. Запомни, Сашка, твой авторитет опера будет заключаться не в количестве почетных грамот и не в сумме премии. Ты будешь считаться

классным опером только тогда, когда где-нибудь в соликамских лагерях встретятся два зека и один из них скажет другому: «Вот Макаров меня нае...л, а?! Если бы не он, гулял бы на свободе!», а другой ему ответит: «Это Макаров из Слянска, что ли? Да, сука еще та...» Вот тогда ты можешь сказать себе, что ты состоялся.

Пикалев снял трубку аппарата и коротко бросил:

– Заведи моего.

Через минуту в кабинете сидел на стуле тридцатилетний парень и пощелкивал суставами пальцев.

– Ну что, Выхриков, – спросил Пикалев, процеживая чай через зубы, – не было печали, да черти накачали?

Пока Николай Семенович сплевывал попавшую в рот заварку в урну, некто Выхриков зачем-то рассказывал о том, как он провел выходные за городом, окучивая грядки на огороде умершей бабушки.

Пикалев проплевался и достал папиросу.

– На хрена ты мне это рассказываешь?

– А о чем еще говорить? О погоде? С тобой как начнешь о погоде разговаривать, разговор заканчивается нарами. Больше я с тобой о погоде говорить не буду.

– Ты что думаешь, я тебя сюда привел о погоде или грядках говорить? Я тебя уже сутки ищу. Я сам с тобой больше о погоде говорить не собираюсь. Теперь у нас разговор будет конкретный.

– О чем? Я ведь завязал, ты знаешь.

– Не дави на меня. Я знаю другое. Об одной чудной квартире, в которой недавно побывал вор Выхриков. Но глупый Выхриков понятия не имеет, что в тот момент, когда он из этой квартиры выходил, его видели два ясных глаза. Это было как раз в середине сентября, когда Выхриков что-то окучивал на огороде бабушки. Что ты окучивал в середине сентября, Выхриков? Озимый редис?

– Я огород в порядок приводил!

– Выхриков, с твоими двумя ходками по сто сорок четвертой после третьей будет почетное звание «опасный рецидивист». Я могу сейчас перейти с хорошего разговора на плохой. После этого ты сразу оказываешься в камере и выходишь из нее уже с руками за спиной. Я вызываю свидетеля, делаем официальное опознание, протоколируем, допрашиваем и закрываем. Тебя. Больше у тебя шансов нет. Пойдешь в суд за полным отказом. А по этой теме тебе дадут на всю катушку. И за рецидив, и за отказ помогать следствию, и за отсутствие раскаяния.

Пикалев потушил папиросу.

– Есть другой вариант. Ты знаешь, что в каждом деле есть организаторы, есть исполнители, есть пособники и свидетели. Если перестанешь дуру гнать, разрешу написать явку с повинной. Потолкую со следаком, в суд меня все равно вызовут, так я и там словечко замолвлю за тебя. После двух ходок вряд ли условным отделаешься, но ведь есть разница – три года получить или семь? И есть разница – своими ногами в суд прийти или месяца четыре шконарь парить?.. Минуту даю, Выхриков. Отсюда ты все равно уже не выйдешь. Через минуту либо рассказываешь мне про «хату», либо я сам тебя запираю в «хату». И забываю о тебе. Потом – стучи не стучи в дверь с просьбой поговорить со мной, как в прошлый раз, – будешь сидеть. Я о тебе забыл. Время пошло.

Парень мялся. Его лицо перекашивала судорога. Он уже не мог думать.

– Ну? – спросил Пикалев, отрывая взгляд от настенных часов.

– Квартира восемь. На Речной...

– Я знаю. Давай я ничего клещами из тебя вытягивать не буду?

– Двадцать второй дом. Куртки и магнитофон еще у меня...

Отведя парня в камеру, Пикалев вернулся с большим журналом. В милиции он называется КУП – книга учета преступлений.

Пикалев начал листать страницы.

– Так... Десятого сентября... Одиннадцатого... Так... Изнасилование... Грабеж... Гараж... Кража... Кража... Не то. Ага, вот. Кража. Квартира 8, дом 22, улица Речная. Гражданка Власова – потерпевшая.

Пикалев с грохотом захлопнул КУП.

– Вот тебе, студент, и скрипка Страдивари. В точку.

– Я не понял, – удивился тогда Макаров, – у вас что, информации не было на Выхрикова, что ли?..

– Какая на хрен информация?! – отмахнулся Пикалев, унося журнал в «дежурку». – Я его по дороге в отдел случайно зацепил.

Макаров вспомнил этот случай, представив, как двое желторотых оперов сейчас пытаются вытрясти хоть что-то из Матвеича. Нет, не горит у них в глазах тот огонек, какой горел когда-то в глазах Николая Пикалева. Тот огонек, который старый опер сумел зажечь в глазах тогда еще юного Макарова. Числиться опером и быть им – не одно и то же. Это на протяжении долгих месяцев вдалбливал в мозг Александра его наставник. Он сумел заразить подопечного вирусом любви к своей работе.

Кто учит сейчас этих пацанов? Сами себя.

Саша подумал, что уже почти два года не был на могиле Николая. Опер погиб четыре года назад, при задержании девятнадцатилетнего сосунка, когда тот пытался снять с девчонки старенькую песцовую шапку. Наркоман-отморозок выстрелил из обрезца двенадцатого калибра в лицо безоружному менту.

«Надо заехать», – подумал Саша...

* * *

– Надо заехать или нет? – уже почти кричал в машине Стариков, прикоснувшись рукой к плечу Макарова.

Александр очнулся от забытья, развернулся с переднего сиденья к Старикову.

– Прости, Игорь, что ты сказал?

Стариков вздохнул.

– Саша, я говорю – давай в психушку заедем к этому Русенкову? Душа у меня что-то не на месте. Такое впечатление, что он не больной вовсе. Я, скорее всего, шнягу гоню, поскольку такое маловероятно, но мне кажется, что мужик что-то сказать хочет и боится.

Макаров посмотрел на часы.

– Хорошо.

Двадцать минут спустя машина оперов остановилась у входа в лечебницу, прямо перед запрещающим знаком с пояснением: «Кроме машин ЦПЛ».

– Вы? – откровенно удивился главврач, увидев входящего Старикова со товарищи. – Что-то нашли интересное в карточках?

– Нет, мы по другому поводу. Хотели бы побеседовать с Русенковым.

Врач удивился еще больше.

– Он на процедурах. А зачем он вам?

– Вам же сказали – побеседовать, – уточнил Саморуков.

– Нет проблем. Кабинет психолога по-прежнему свободен. Вы помните дорогу?..

...Русенков смотрел в стену невидящим взглядом и твердил, что «она погубит свою жизнь». Главврач делал все возможное, чтобы переключить бывшего мурманского милиционера на другую тему, но тот оставался неумолим.

– Нам бы обвенчаться...

Врач повернулся к Макарову, безошибочно угадав в нем старшего.

– Он вам еще нужен?

Стариков и Саморуков, обреченно вздохнув, встали, ожидая того же от Александра. Но тот, едва подрагивая ресницами, застопорил свой взгляд на лице Русенкова.

– Я еще поговорю с ним.

Врач, а следом и опера понимающе покинули кабинет.

– Будет толк? – спросил Стариков Мишку.

– Я вообще не понимаю, какого черта мы сюда приперлись. Ты тоже, психолог... Я чувствую, душа не на месте... Зато у *этого* душа на месте.

– Как вас зовут?

Русенков продолжал смотреть в стену.

– Я знаю, что вы не сумасшедший. Что вас здесь держит?

– Далось ей это венчание...

– Чего вы боитесь?

Молчание.

– Вы сказали – «ищущий да обрящет». Что вы имели в виду?

Макаров снова посмотрел на часы.

– Знаете, у медиков есть такой профессиональный принцип – никогда не подвергай сомнению диагноз, поставленный больному коллегой. У нас, ментов, если вы понимаете, о чем я говорю, тоже есть принцип – всем, чем можешь, помоги коллеге, идущему по следу преступника. Если вы забыли этот принцип, тогда нам разговаривать не о чем.

Саша встал и пошел к двери.

– Метагексопам-два... – раздалось за его спиной.

Макаров резко обернулся и чуть не утонул в глубине осмысленного взгляда Русенкова.

– Что вы сказали?!

Он шагнул к больному.

– Что вы сказали?!

Русенков поднял совершенно разумный взгляд на милиционера.

Дверь распахнулась, вошел главврач.

Макаров изумился перемене, какая произошла в этот момент во взгляде Русенкова. Тот же стеклянный взгляд, бессмысленные, как у Пьеро, приподнятые вверх брови.

– Извините, ему пора отдыхать. Он из категории тех, кому не рекомендуется заниматься логическими размышлениями. Это – если простым языком, без медицинских терминов. Русенков – человек не для бесед.

– Нам бы обвенчаться...

Следуя по коридору за Макаровым, главврач поинтересовался:

– Он вам что-нибудь сказал?

– Вы же сами заявили, что этот человек не для бесед. Им бы обвенчаться.

– В вас произошла какая-то перемена, поэтому и спрашиваю. Я психиатр...

Макаров остановился и усмехнулся:

– У любого, кто не связан профессиональной деятельностью с психически больными людьми, в душе будут перемены. Я ведь только что разговаривал с психом. Прощайте.

Он шел по коридору и бормотал одними губами, чтобы не забыть:

– Метагексопам, метагексопам...

Уже в машине, скрывшись за тонировкой стекол, он быстро достал блокнот и записал:
«Метагексоэпам. Главврач. Дела Рус-ва в Мурманске».

Глава 7

– Теперь давайте раскладывать по полкам все, что имеем.

Макарову уже надоело топтаться на месте. Более непонятного дела он не встречал за всю свою карьеру сыщика. В процесс включаются новые действующие лица без всяких на то оснований. Как могут быть связаны единым умыслом преступника убийства криминального авторитета Вирта, ученицы средней школы и нувориша Верникова? Пока ответа на этот вопрос не было. Если в городе орудует маньяк, то почему он действует вопреки всем известным мотивам поведения, известным сыску? Пока непонятно.

– Сергей, какого цвета были глаза жертв? Одинаковое прошлое? Одинаковый цвет волос? Одна манера говорить? Связь между ними?

Даже здесь опереться не на что.

Как больной Русенков, «человек не для бесед», может знать про какой-то метагексоэпам? Кто он? Почему под ногами путается главврач и почему при нем Русенков косит под дебила?

– Ты спрашивал у экспертов, Игорь, что такое этот, как его... метагексоэпам-два?

– Спрашивал, – доложил Стариков. – Они сказали, что это – каша, мед, говно и пчелы в одном слове.

– Спасибо, – поблагодарил Макаров подчиненного за исполнительность. – Сейчас иди и сделай запрос на сотрудника УВД города Мурманска Русенкова Антона Антоновича. Все-все-все. «Хочу все знать!» Захватил еще в юности такой киножурнал? Михаил, что по запросу в Москву?

– Ждем-с.

В конце стола зашевелился, словно пробуждаясь, Вербин.

– Сегодня проверил все ориентировки за год по области. Человек в сером плаще нигде не отсвечивал.

– Да... А что насчет социального работника из мэрии в «джонсах»?

– «Наружка» его пасет. Раз молчат, значит, ничего выдающегося не происходит. Будем ждать письменного ответа. Может, там что прояснится.

– Понятно...

Макаров тяжело вздохнул.

У него в юности было такое же ощущение при прыжке с парашютом. Когда стоишь перед вечностью и не на что опереться.

– Сергей, через полчаса нужно двигаться к мемуаристу Муромову.

– А ты коньяк купил?

– По дороге купим.

В тот момент, когда Александр и Сергей поднимались по лестнице дома, где жил доктор Муромов, в квартире мемуариста происходило следующее.

Муромов барахтался на кровати, пытаясь вывернуться из-под подушки, которая тяжким грузом давила ему на лицо. На коленях, в изголовье мемуариста, стоял человек в коричневой кожаной куртке и с силой давил на эту подушку. С удовлетворением почувствовав, что барахтанье стало носить конвульсивный характер, он удвоил усилия, желая побыстрее закончить с этим делом.

И тут произошло непредвиденное. В дверь раздался звонок. Человек вспомнил, что не запер изнутри дверь, а лишь прикрыл ее, и мысль об этом разом изменила его планы. Оставив на голове жертвы подушку, он выскочил на балкон.

Четвертый этаж дома «сталинской» постройки. Прыжок вниз означал смерть, прыжок вверх, с целью дотянуться до балкона верхнего этажа, означал то же самое, только с большей высоты...

– Что это он не открывает? – забеспокоился Вербин.

– Спит, наверное.

– Он сказал, что просыпается в семь и садится за мемуары.

– Ага, – неопределенно хмыкнул Макаров, разглядывая этикетку на бутылке «Дербента».

Вербин толкнул дверь, и она неожиданно открылась. Ни слова не говоря, опер вынул «ПМ» и осторожно вошел в квартиру. За ним проследовал Саша. Его вид, с пистолетом в одной руке и бутылкой коньяка в другой, был несколько нелепым, но отвлекаться на то, чтобы избавиться от бутылки, не было времени.

Вербин рывком перевалил свое тело через порог комнаты и за секунду оценил ситуацию в квартире.

– Саша! Займись дедом, я – к балкону!

Балкон был пуст. Глянув вниз, он не обнаружил никаких признаков жизни или смерти на асфальте. Потом повторил движение человека в кожаной куртке – быстро поднял голову вверх. Не стоило даже думать о том, что можно дотянуться до балкона пятого этажа.

– Не на крыльях же он отсюда вылетел! – в сердцах рявкнул он в комнату.

А там, стащив старика на пол, Макаров делал ему искусственное дыхание. Саша уже понял, что тот будет жить. Пульс прощупывался, наконец появилось и прерывистое дыхание.

– Давай, давай, старик! – подбадривал его Макаров, продолжая давить толчками на седую, впалую грудь. – Сейчас коньячка хапнем по маленькой! «Дербент», Кизляр, выдержка три года! Сорок два градуса! Как в сказке будешь!..

– Ушел, сука... – со злостью выдавил Вербин, входя и отмахиваясь от надоедливой тюлевой занавески. – Или улетел. Хер поймешь.

Некоторое время глядел на трудившегося в поте лица Макарова, потом добавил:

– Хорош прессовать-то его!

– Посмотри... у него... лекарства... на тумбочке, – продолжал работать руками Александр.

– А я в них разбираюсь? Валокордин, реланиум... Влей лучше пару капель коньяку в рот!

Наконец дыхание старика стало ритмичным, и Макаров, поднявшись с пола, коротко приказал Вербину, показывая на кучу пузырьков и таблетных упаковок:

– Дай нашатырь! Вон он стоит!

В это время, этажом ниже, двое братьев Мартемьянц, семи и девяти лет, воспользовавшись отсутствием взрослых, играли в полицейского и бандита. Игра заключалась в стрельбе из пистолетов, заряженных пистонами, друг в друга. Братья умело скрывались за складками местности полногабаритной квартиры и постоянно спорили, кто из них был убит первым. После компромиссного решения быть убитыми по очереди младший из Мартемьянцев вдруг обратил внимание старшего на необычное явление, происходящее за их окном. Балкон братьев был на другой стороне дома, поэтому они прильнули к окну.

Прямо перед ними, зацепившись руками за край балкона четвертого этажа, висел мужик.

Такого они не видели никогда в жизни. Мужик не звал на помощь, не пытался подтянуться и снова залезть на балкон. Он просто висел, словно в этом был какой-то смысл.

Братья открыли окно. Видение не исчезло. Живой мужик в коричневой кожаной куртке спокойно висел, зацепившись руками за край балкона. Когда открывалось окно, он вздрогнул, но, увидев детей, немного успокоился.

– Дядь, а дядь, – обратился к нему старший Мартемьянц, – пожарных с лестницей позвать? У нас телефон есть.

Мужик молчал.

– Может, дяденька глухой? – спросил младший.

– Не знаю, – сознался старший и заорал: – Дядя!!!

Мужик зашипел на них, как гусь.

– Он немой, – понял старший. – Поэтому не может позвать на помощь. Дядя!!! Вам позвать пожарных? А милицию?

– Кто там орет? – спросил Макаров Вербина, вливая в рот пенсионера полрюмки коньяку. – Ну-ка, глянь.

Вербин вернулся через мгновение.

– Пацанва какая-то. Где-то...

– Может, он нас не видит? – спросил младший.

– Видит, но не слышит.

– Поэтому не понимает.

– И сказать ничего не может. Он глухонемой, – заключил старший.

– Надо привлечь его внимание.

– А как? – спросил старший Мартемьянц и тут же ответил на свой вопрос: – Нужно в него что-нибудь кинуть. Легкое.

– Гвоздь подойдет?..

– Что с вами случилось? – спросил старика Макаров, едва тот стал проявлять признаки осмысленных действий. – Кто на вас напал? Вы знаете его?

Муромов уставился на Макарова немигающим взглядом.

– Вы кто?

– Начальник отдела по раскрытию убийств Макаров.

– Вот дожили, а?! – внезапно стал восхищаться старик. – Убить еще не успели, а начальник уже здесь! Молодца! Не зря в НКВД с конца тридцатых кадры готовить стали!

– Мой коллега Вербин был у вас вчера, – пояснил Саша.

– Здорово, дедуль, – поздоровался Сергей. – Как здоровье?

– А, Серега! – улыбнулся старик одними губами. – Какое может быть здоровье? Бессонница, хандра...

– Душат частенько... – добавил Вербин. – Кто был здесь? Знаешь, нет?

– Если б знать! Налетел, падла, как коршун! Если б я не спал, я б ему, суке, показал старую закалку!

– Ладно, – успокоил разбушевавшегося доктора наук Макаров. – Из-за чего вас хотели убить? Сами подумайте – вчера к вам приходит сотрудник милиции и спрашивает про дела давно минувших дней. У вас сегодня с ним назначена встреча, и, опоздай мы на полминуты, вы были бы убиты. Так кто это мог быть? С кем вы разговаривали после ухода Сергея?...

– Он на гвозди не откликается.

– Молчит, – согласился старший брат. – Принеси-ка мне дротик от дартса...

– Может, в милицию позвонить?

– А вдруг он не хочет, чтобы кто-то милицию звал? Неси дротик...

– С кем разговаривал? Да ни с кем! Кому нужен такой старый пень, как я?! Впрочем... За окном раздался страшный крик, как-то нехорошо удаляющийся вниз.

Вербин и Саша метнулись на балкон.

– Черт!.. – вырвалось у Макарова. – Это тот самый! Социолог из мэрии!

К крику корчившегося на асфальте человека в кожаной куртке добавилось несколько вскриков проходивших мимо женщин. Около пострадавшего мгновенно стала собираться толпа.

– Откуда он упал?! – Изумлению Вербина не было предела. Он смотрел вверх, не понимая, как такое могло случиться.

– Откуда упал?! Куда ты смотришь?! Он висел, зацепившись за балкон! Ты балкон как проверял?! Пока это наш единственный свидетель!!! Вызывай «Скорую» и опергруппу!!! Быстро! Я – вниз!

Не чувствуя своей скорости, Саша миновал все лестничные пролеты и выбежал на улицу. Расталкивая зевак – «в сторону, милиция!», он прорвался сквозь толпу и присел над мужчиной в коричневой куртке.

У того из ушей текла кровь, и по его мутнеющим глазам Саша понял, что через мгновение все будет кончено.

– Кто вас послал к Муромову? Кто вас послал?

Еще несколько конвульсивных движений, и из горла упавшего хлынула кровь.

– Бесполезно, – услышал Макаров позади себя. – Он упал практически вниз головой. Непонятно, как он еще столько жил.

За спиной Саши стояла женщина лет тридцати.

– Я врач. – Посмотрев на мужчину, она констатировала: – Все. Он умер.

В бедре погибшего торчал черный дротик от увлекательнейшей игры дартс. Впрочем, его обнаружат только при осмотре, когда через десять минут прибудет вызванная Вербиным бригада «Скорой помощи».

* * *

Оба оперативника сидели в квартире Муромова, и на фоне неунывающего историка их вид более подходил под определение «депрессия». Старик, которого всего несколько минут назад едва не лишили жизни, обещал помочь им чем только сможет – так он расстроился из-за переживаний Макарова и Вербина.

А тем было от чего переживать. Из реально существующих действующих лиц этой страшной и непонятной истории лишь двое могли пояснить хоть что-то. Гражданин, которого только что отвезла в морг местная «труповозка», и Муромов. Если быть откровенным, то Макаров не ставил ни на одного из них как на лицо, могущее определить ключевое направление расследования. Настолько нелепой была связь между ними и совершенными убийствами. Одно было ясно наверняка. Едва Вербин посетил старика Муромова, как над жизнью того нависла смертельная опасность. Восемьдесят лет старик жил и не думал, что помрет, задавленный собственной подушкой. Всего лишь из-за появления на полчаса в его жизни старшего оперуполномоченного Вербина...

Если за Сергеем не следили, что маловероятно, то организатором покушения на Муромова вполне можно считать самого старика. Только его связь с кем-то после отъезда Вербина могла подтолкнуть неизвестного к решительным действиям.

– Кому же я звонил? – Старик напрягал память. – Нет, ребята... Разрази меня гром, если я вру, но я не звонил никому. После отъезда Сереги я соснул с полчаса и сел за мемуары. За пятую главу. Она называется «Выжить, чтобы жить». В ней будет описана моя трагическая судьба в годы «чистки». Понимаете, в конце тридцать шестого года...

– Я прочту, – пообещал Макаров и потер пальцами лоб. – Значит, вы не звонили никому?

– Слово доктора наук.

– Верю, – с сомнением кивнул Макаров, глядя, как доктор наук заливает в рот, как в воронку, треть стакана сорокадвухградусного «Дербента». – Ну, а вам-то звонили?

Муромов крякнул, как подстреленный чирок, поставил стакан на прикроватную тумбочку и разочарованно уставился на Александра:

– Обижает. Мне звонят каждый день! Товарищи по партии, те, кого еще сохранила жизнь, консультанты по написанию мемуаров, ну и просто знакомые.

Макаров с Вербиным переглянулись.

– Хорошо... Тогда давайте вспомним, кто вам вчера звонил. Вспоминать начнем с того, кто позвонил первым после отъезда Сергея.

– Пожалуйста. Примерно в пять вечера звонила медсестра. Она живет неподалеку. Мира Евдокимовна – старая знакомая моей покойной супруги, поэтому ежедневно справляется о моем самочувствии.

– Дальше, – поощрил его Вербин.

– Около семи позвонил Сташевич.

– Кто есть Сташевич? – по-военному поинтересовался Макаров.

– Выпускник Оксфордского университета, поляк по национальности, мой хороший знакомый. Помогает в написании истории возникновения огнестрельного оружия.

– Принято, – согласился Сергей. – Вспоминаем дальше.

Старик наморщил и без того перепуханный годами лоб, и Макарову подумалось: если дед не может вспомнить, с кем он вчера разговаривал по телефону, то что он может писать в своих мемуарах про «дела минувшие»? Судя по трудам Волкогонова и академика Поляка, разложенным на письменном столе, старик Муромов вспоминал не совсем своими мозгами.

– Дед, – Вербину надоело смотреть на кошмарную маску напряжения на лице Муромова, – что ты сидишь, как Кутузов в Филях? Пробки вышибло что ли? Кто тебе после оксфордского поляка звонил?

Пенсионер хлопнул себя по лбу.

– Ну конечно! Вспомнил! Витольд Пацифеев звонил!

– Кто такой Витольд Пацифеев? – стоически продолжал допрос Макаров.

– Ученик мой. Я тогда в медицинском институте историю преподавал, а он был моим лучшим студентом! И как я мог забыть?..

Вертикальные морщины воспоминаний сменились горизонтальными морщинами досады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.